

Нравственные императивы в праве

2019
№ 3

ISSN 2309-1614

Научный юридический журнал
(г. Москва)

«Impératifs moraux du Droit»
«Moral imperatives of Law»
«Imperativi morali del Diritto»
«Imperativos morales de Derecho»
«Imperativos morais do Direito»

Учредители:

И.В. Понкин,
ООО «Институт государственно-
конфессиональных отношений и права»

Ответственный за выпуск редактор

Понкин И.В., доктор юридических наук,
профессор.

Технический редактор выпуска
Сидорова С.Н.

Богатырев А.Г., доктор юридических
наук, профессор;

Догадайло Е.Ю., доктор юридических
наук, профессор;

Еремян В.В., доктор юридических наук,
профессор;

Кузнецов М.Н., доктор юридических наук,
профессор, почётный работник высшего
профессионального образования;

Понкин И.В., доктор юридических наук,
профессор;

Соловьёв А.А., доктор юридических наук,
доцент;

Емелина Л.А., кандидат юридических
наук, доцент.

Редакционный совет:

При перепечатке материалов ссылка на журнал «Нравственные императивы в праве» обязательна. Публикуемые в журнале материалы могут не отражать точку зрения учредителя и редакции. Редакция присланные рукописи не возвращает, в переписку не вступает.

Контактный адрес электронной почты технической службы: i@lenta.ru

Контактный почтовый адрес технической службы –

(строго в следующем написании) «117525, Москва, а/я 49, Понкину И.В.»

либо: 249101, Калужская обл., г. Таруса, ул. Горького, 17–6.

Электронная версия журнала доступна по адресу: <http://moscou-ecole.ru>

Содержание номера

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Понкин И.В., Понкина А.А. Право врача на принятие рискованного решения в сложной клинической ситуации	3
Габния В.В. О конституционно-правовом толковании второго абзаца статьи 19 Конституционного закона Республики Абхазия от 07.06.2004 № 911-с-XIV (ред. 2017 года) «О выборах Президента Республики Абхазия»	16
Цыбизова Н.А. Правовое регулирование состояния безвестного отсутствия военнослужащих во время Великой Отечественной войны	24
Прудовская О.В. К вопросу об обязательной сертификации в сфере спорта	33

РЕЦЕНЗИИ

Аристов Е.В. Развод в праве США	43
Соловьёв А.А. Права умирающих и безнадежно больных	46
Кузнецов М.Н. О генезисе новой научной теории	50
Богатырев А.Г. Административное право в борьбе против спортивного допинга	54
Блинкова Е.В. Стратегическое видение в государственном управлении	57
Богатырев А.Г. Социальное государство: необходимость или реальность	62

Понкин И.В., Понкина А.А. Право врача на принятие рискованного решения в сложной клинической ситуации ¹

1. Абрис проблемы

Тема профессиональных прав врачей является одной из наиболее сложных для объяснения и наименее исследованных тем в медицинском праве (а равно – в конституционном праве).

В докладе Всемирной организации здравоохранения «Качество медицинской помощи: безопасность пациентов» 2002 года отмечалось, что «медицинские вмешательства направлены на пользу пациентам, но они также могут причинить вред. Сложное сочетание процессов, технологий и человеческого взаимодействия в современной системе медицинского обслуживания может принести существенные выгоды, но

¹ **Понкин Игорь Владиславович** – доктор юридических наук, профессор Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА), профессор, член Экспертного совета при Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации.

Понкина Александра Александровна – кандидат юридических наук, зам. председателя правления Института государственно-конфессиональных отношений и права.

Настоящая статья посвящена исследованию содержания, онтологии, значения и гарантий права врача на принятие рискованного решения в сложной клинической ситуации. Кроме того, настоящая статья посвящена исследованию разработанного и получившего своё развитие в практике английских и американских судебных органов концепта, называемого «стандарт поведения разумного человека». Стандарт поведения разумного человека предполагает сравнение поведения реального лица с поведением гипотетического человека, действующего разумно. В статье рассмотрены подходы к пониманию и применению данного стандарта, изучены и проанализированы способы определения того, что именно входит в концепт разумного человека. Обозначены основные преимущества, а также недостатки данного концепта.

Ключевые слова: право врача на принятие рискованного решения в сложной клинической ситуации, медицинское право, стандарт поведения разумного человека, правило разумного человека, судопроизводство, судебское усмотрение.

Ponkin I.V., Ponkina A.A. Physician's right to take a risky decision in a difficult clinical case.

This article is devoted to the study of the content, ontology, value and guarantees of a physician's right to take a risky decision in a difficult clinical case. And article is devoted to the research of judicial concept, called «reasonable man standard», developed by British and American courts. Reasonable man standard involves comparing the behavior of a real person with the behavior of a hypothetical person, acting reasonably. Approaches to understanding and application of this standard are studied and analyzed in this article, as well as ways of defining what exactly must be included in the concept of the reasonable person: whether it should be a hypothetical ideal person that meets the high standards of modern society, or a normal average person, endowed with the usual shortcomings. Main advantages as well as the shortcomings of this concept are defined.

Keywords: physician's right to take a risky decision in a difficult clinical case, medical law, reasonable person, reasonable man standard, reasonable person test, court proceedings, judicial discretion.

вместе с тем, оно также включает неизбежный риск неблагоприятных событий, которые могут (и довольно часто) случаться»².

Любое медицинское вмешательство всегда сопряжено с рисками.

Диагностические, терапевтические и другие риски присутствуют и в иных (менее критичных) ситуациях, даже тогда, когда врач, обладая высокой квалификацией и добросовестностью, соблюдает все необходимые требования, все правила врачебной деятельности, все установленные процедуры.

Однако в особо сложной и вдобавок характеризуемой неопределённостью диагностической и / или терапевтической ситуации риски возрастают во много раз, ставя врача в положение, если можно так образно сравнить, сапера на особо хитро-обустроенном минном поле.

Тем более, риски очень высоки, когда речь идёт о медицинском вмешательстве в отношении инкурабельного больного в терминальной стадии заболевания³, в отношении больного с орфанным заболеванием, в принципе, в любой сложной и неоднозначной клинической (диагностической и / или терапевтической) ситуации.

Сегодняшняя тенденция бездумного задействования «маховика карательной машины» работает не столько на обеспечение безопасности пациентов, сколько, опосредованно, во вред им. Врачи весьма нередко сегодня просто уже опасаются (выражают опасения) идти даже на вполне оправданный риск и браться за сложные случаи. (Понятно, что мы говорим здесь о нормальных, добросовестных врачах-профессионалах).

Приход в сферу медицины поколения, «деформированного ЕГЭ» – натасканного на слепое следование шаблонам, – ещё более усугубляет ситуацию.

Корень проблемы – в отсутствии надлежащего артикулированного признания государством права врача на принятие обоснованного рискованного решения в сложной клинической (диагностической и / или терапевтической) ситуации, должных правового гарантирования, правовой охраны и защиты этого права.

² Quality of care: patient safety [Качество медицинской помощи: безопасность пациентов] / Report by the Secretariat / World Health Organization, Fifty-fifth World health assembly A55/13, 23.03.2002 // <http://apps.who.int/gb/archive/pdf_files/WHA55/ea5513.pdf>.

³ См.: Понкина А.А., Понкин И.В. Правовое регулирование паллиативной медицинской помощи. – М.: ГЭОТАР-Медиа, 2019. – 176 с. Понкина А.А., Понкин И.В. Паллиативная медицинская помощь: Понятие и правовые основы. – М.: Изд. ред. журнала «ГлавВрач», 2014. – 75 с. (Приложение к журналу «ГлавВрач» № 1/2014).

2. Содержание и онтология исследуемого права. Его источники и гарантии

Право на совершение определённых обоснованных рискованных действий, обусловленных сложностью клинической (диагностической и / или терапевтической) ситуации, угрожающей гибелью пациента или непоправимыми последствиями для его здоровья, и реализуемых в интересах пациента, – является одним из важнейших профессиональных прав врача⁴.

Недооценка, игнорирование, лишение врача этого права ведёт к падению общего качества врачебной помощи (не как «средняя температура по больнице», но в некой интегральной онтологии), лишает врача возможностей разумной инициативы, возможностей разумного поиска наилучшего врачебного решения.

Неслучайно Комитет Государственной Думы по охране здоровья (при поддержке научной и профессиональной общественности) в 2019 году рекомендовал Министерству здравоохранения Российской Федерации рассмотреть вопрос о разработке проекта федерального закона о внесении изменений в Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» в части «дополнения новой статьёй 98.1 “Ответственность за дефект медицинской помощи”, в том числе закрепить норму о праве врача на осуществление рискованных действий в сложных клинических случаях сообразно своей внутренней профессиональной убеждённости при соблюдении “стандарта разумного поведения ответственного человека”»⁵. То есть во врачебном сообществе указанное право врача оценивается как очень и очень важное, требующее надлежащего гарантирования.

Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ (ред. от 29.05.2019) «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»⁶ не гарантирует такого права напрямую и исчерпывающе чётко сформулированным, детализированно описанным (если не через содержание, то хотя бы через приведение линейки гарантий), что является очевидным правовым дефектом этого Федерального закона, – это одновременно и правовой пробел, и детерминант дисбаланса правового регулирования.

Впрочем, из указанного Федерального закона косвенно можно вывести исследуемое право врача как производное некоторых гарантий и условий, всё же закрепляемых (пусть, и поверхностно, фрагментарно,

⁴ Понкина А.А., Понкин И.В. Права врачей. Издание 2-е, дополн. и перераб. – М.: ГЭОТАР-Медиа, 2019. – 192 с. – С. 67.

⁵ Врач и пациент. 2019 // <<http://komitet2-2.km.duma.gov.ru/Prezent/Hronika/item/19071795/>>. – 05.06.2019.

⁶ Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 28.11.2011. – № 48. – Ст. 6724. В ред. от 29.05.2019 – СПС «Консультант Плюс».

неявно) этим Федеральным законом (что никак не отменяет необходимости надлежащего законодательного закрепления этого права в будущем):

1. Аттрактивным значением в природе и онтологии исследуемого права обладает понятие «риск». И названный Федеральный закон признаёт наличие таких рисков, связанных с оказанием медицинской помощи, с медицинским вмешательством.

Так, часть 1 статьи 20 указанного Федерального закона презюмирует наличие (возможность наличия) риска оказания медицинской помощи и, конкретно, медицинского вмешательства, допускает наличие такого риска, о чём предписано уведомлять пациента, а сам пациент (или его законный представитель) должен давать информированное добровольное согласие на медицинское вмешательство. Часть 1 статьи 22 названного Федерального закона устанавливает право каждого на получение информации об установленном диагнозе и о прогнозе развития заболевания, методах оказания медицинской помощи, связанном с ними риске.

Таким образом, Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ (ред. от 29.05.2019) «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» закладывает в онтологию и процесс взаимодействия врача и пациента риски негативных последствий, в том числе детерминированные совсем иными обстоятельствами, мало связанными с врачом.

Например, часть 2 статьи 38 названного Федерального закона предусматривает деление медицинских изделий на классы в зависимости от потенциального риска их применения.

2. Названный Федеральный закон конкретно профессиональной деятельности врача атрибутирует наличие имманентно связанного с нею риска, именно поэтому, полагаем, к числу прав медицинского работника этим актом отнесено право на страхование риска своей профессиональной ответственности (пункт 7 части 1 статьи 72).

3. Названный Федеральный закон презюмирует, что существуют сложные методы лечения (статья 34) и что, в принципе, сложна профессиональная деятельность врача (пункт 5 части 1 статьи 72).

4. Названный Федеральный закон презюмирует, что могут иметь место сложные и конфликтные (даже «наиболее сложные и конфликтные») случаи в профилактике, диагностике, лечении и медицинской реабилитации (часть 2 статьи 48).

Полагаем, что право на сознательное целенаправленное совершение определённых рискованных действий, обусловленных сложностью клинической ситуации, угрожающей гибелью пациента или непоправимыми последствиями для его здоровья, и реализуемых в интересах пациента, выступает производным от следующих

профессиональных прав врача (находящихся в онтологически сложных и динамических интерреляциях)⁷:

- право на собственное врачебное мнение (в отношении диагностики и терапии) и на свободное его выражение, включая право на своё независимое медицинское заключение;

- право спасать жизнь, возвращать (восстанавливать) или в определённой мере компенсировать частично утраченное или нарушенное здоровье человека;

- право самостоятельно и свободно назначать и /или осуществлять специальные, а равно отменять диагностические исследования, медицинские действия, принимать необходимые меры в интересах пациента и исходя из его состояния в течение всего времени оказания ему помощи, назначать любые показанные (в пределах обоснованной необходимости) и разрешённые к применению лекарственные средства, осуществлять контроль их действия;

- право на реализацию медицинского вмешательства без получения предварительного согласия пациента на это в чрезвычайных ситуациях, когда задержка в оказании медицинской помощи может привести к необратимым последствиям для здоровья пациента или к его гибели, а также когда тяжесть физического или психического состояния не позволяет пациенту принять осознанное решение или когда пациент является источником опасности для окружающих;

- право быть услышанным пациентом и, в случае необходимости или несовершеннолетия пациента, его законными представителями, а равно членами семьи;

- право осуществлять свою профессиональную деятельность свободно в рамках законодательства и без давления какого-либо рода со стороны каких бы то ни было лиц, в том числе без избыточной регламентации и /или чрезмерной связанности протоколами и проверочными вмешательствами;

- право на невмешательство в свою профессиональную деятельность со стороны других врачей, кроме как в исключительных обстоятельствах;

- право не отягощать пациента объективно излишними медицинскими вмешательствами, сопряжёнными с сильной, непереносимой болью и другими тягостными для пациента факторами или влекущими таковые;

- право на уважительное отношение и уважительное обращение при осуществлении профессиональной деятельности и (соответственно и сообразно статусу и значимости социальной роли врача) в связи с профессиональной деятельностью;

- право на объективную оценку своих профессиональных врачебных действий.

⁷ Указанные права подробно описаны и объяснены или обозначены в: *Понкина А.А., Понкин И.В. Права врачей. Издание 2-е, дополн. и перераб. – М.: ГЭОТАР-Медиа, 2019. – 192 с.*

3. Связанность права врача на принятие рискованного решения в сложной клинической ситуации определёнными пределами

Уровень риска негативных последствий медицинского вмешательства находится в зависимости от меры действительного профессионализма и добросовестности врача, от соблюдения им принципов медицинской деонтологии, с другой стороны – от разумной рациональности и в целом адекватности врача (отсутствия избыточного и неуместного оригинальничания и т.д.).

То есть, отстаивая исследуемое право и пытаясь предложить пути его законодательного закрепления, мы должны это право всё же хотя бы чем-то связать. Потому что речь совершенно не идёт о разработке универсальной «индальгенции» для любого халтурщика, «купившего диплом», либо профессионально выгоревшего и деградировавшего.

Компетентный и добросовестный лечащий врач всегда обладает бóльшим пониманием данной конкретной клинической ситуации, чем не только, понятно, врачом-пользуемый им пациент, но и чем его коллеги-врачи, которые в спорной ситуации стали бы оценивать этого врача. Тем не менее, мы должны определить какую-то точку отсчёта в его оценивании.

В медицине могут быть разные подходы на этот счёт, но в юриспруденции, призванной оценивать поведение врача, устоялся подход, именуемый как «стандарт поведения разумного человека».

К сожалению, в Федеральном законе от 21.11.2011 № 323-ФЗ (ред. от 29.05.2019) «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» не содержится не только отсылки к такого рода стандарту, но даже не содержится слова «разумный» (в какой-либо форме).

Но это вовсе не праздный вопрос, а вопрос меры и реальных перспектив правовой защищённости добросовестного врача в уголовном процессе после случая (и в связи с таким случаем) негативного исхода медицинского вмешательства в сложной ситуации.

4. Стандарт поведения разумного человека: суть концепта, особенности и проблемы его применения зарубежными судами

Одним из важных и в то же время дискуссионных стандартов, широко применяемых судебными органами в некоторых государствах англосаксонской правовой системы (в частности, в США и в Великобритании), является так называемый стандарт поведения разумного человека (стандарт разумного человека, принцип разумного человека; англ. – «*reasonable person standard*», «*reasonable man test*»; франц. – «*standard de la personne raisonnable*»).

4.1. Понятие стандарта поведения разумного человека

Наиболее важную роль стандарт поведения разумного человека играет при разрешении дел, связанных с совершением правонарушений по небрежности⁸. Например, при рассмотрении содержания и последствий дефектов медицинской помощи⁹, а также, подчеркнём, применительно к исследуемому праву.

В этом случае стандарт поведения разумного человека предполагает использование в качестве стандарта поведение гипотетического лица для определения того, действовало ли реальное лицо с небрежностью. Этот стандарт служит в качестве отправной точки для определения ответственности посредством применения объективного теста, в рамках которого поведение обвиняемого сравнивается с поведением гипотетического разумного человека при аналогичных обстоятельствах¹⁰.

Алан Миллер и Ронен Перри отмечают, что концепт поведения разумного человека является традиционным при определении того, насколько лицо выполняло свою обязанность соблюдать осторожность. Согласно такому концепту, небрежность имеет место в том случае, если были совершены действия, которые разумный человек (на той же должностной позиции и с той же квалификацией) не совершил бы при тех же обстоятельствах¹¹.

В настоящее время стандарт поведения разумного человека является достаточно широко используемым: от рассмотрения дел в области уголовного права до рассмотрения дел в сфере гражданского, договорного права¹². Суды зачастую обращаются к стандарту разумного человека, когда необходимо оценить личные качества тяжущейся стороны либо проанализировать объективное содержание правовой

⁸ *Moran M.* The reasonable person: A conceptual biography in comparative perspective // *Lewis & Clark Law Review*. – 2010. – Vol. 14. – № 4. – P. 1233–1283. – P. 1239.

⁹ См.: *Понкина А.А.* Врачебная ошибка в контексте защиты прав пациентов / МИГСУ РАНХиГС при Президенте РФ. – М., 2012. – 199 с. *Понкина А.А.* Право на безопасную медицинскую помощь: конституционно-правовое исследование: Дис. канд. юрид. наук: 12.00.02 – Конституционное право; конституционный судебный процесс; муниципальное право / Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ. – М., 2013. – 211 с. *Понкина А.А.* Врачебная ошибка и право на безопасную медицинскую помощь. – М.: Изд. ред. журнала «ГлавВрач», 2013. – 80 с. (Приложение к журналу «ГлавВрач» № 4/2013).

¹⁰ Reasonable Man Theory Law and Legal Definition / US Legal // <<https://definitions.uslegal.com/r/reasonable-man-theory/>>.

¹¹ *Miller A.D., Perry R.* The reasonable person // *New York University Law Review*. – 2012, May. – Vol. 87. – № 2. – P. 323–392. – P. 325.

¹² *Ingram A.* Parsing the Reasonable Person: The Case of Self-Defense // *American Journal of Criminal Law*. – 2012. – Vol. 39. – № 3. – P. 101–120. – P. 103.

нормы¹³. Стандарт разумного человека также может применяться и к судьям, осуществляющим рассмотрение дел¹⁴.

Американскими судами иногда стандарт поведения разумного человека используется в качестве косвенного доказательства, например, когда исследуется вопрос о том, счёл ли бы разумный человек свидетельские показания точными и честными, как, к примеру, в решении Федерального окружного суда Южного округа Флориды по делу «Агирре против города Майами» от 12.09.2007¹⁵.

В решении по данному делу Федеральный окружной суд Южного округа Флориды поставил косвенные доказательства, которые «могут привести разумного человека к выводу о том, что показания были неточными», – по своей значимости выше других косвенных доказательств¹⁶.

Стандарт поведения разумного человека позволяет адаптировать норму права к обстоятельствам каждого конкретного дела, и, так как невозможно с абсолютной точностью заранее предсказать, какое именно поведение может быть допустимым, заявляется, что оправданным является поведение разумного человека¹⁷.

Поведение «разумного человека» нередко понимается и интерпретируется как мерило ответственности в рамках определённой правовой системы, позволяющее определять допустимость тех или иных действий.

Стандарт разумного поведения направлен также на отражение актуального состояния общественной нравственности и ограничение возможной необъективности судей¹⁸.

Данный концепт был разработан и получил своё развитие в прецедентном праве английских и американских судебных органов. Одним из первых судебных решений, в которых, как считается, был применён стандарт поведения разумного человека, было решение Английского Суда общей скамьи от 1837 года по делу «Воган v. Мэнлов»¹⁹, где данный судебный орган отметил, что «...мы должны, скорее, придерживаться правила, которое во всех случаях требует такую

¹³ *Moran M.* The reasonable person: A conceptual biography in comparative perspective // *Lewis & Clark Law Review.* – 2010. – Vol. 14. – № 4. – P. 1233–1283. – P. 1233, 1234.

¹⁴ См.: *Geyh C.G.* *Judicial Disqualification: An Analysis of Federal Law.* Second Edition. – Washington (DC, USA): Federal Judicial Center, 2010. – ix; 129 p.

¹⁵ *Mandiberg S.F.* Reasonable officers vs. reasonable lay persons in the Supreme Court's *Miranda* and Fourth amendment cases // *Lewis & Clark Law Review.* – 2010. – Vol. 14. – № 4. – P. 1481–1536. – P. 1484.

¹⁶ Case «*Aguirre v. City of Miami*» / Decision of the U.S. District Court for the Southern District of Florida of September 12, 2007 // <http://www.adasoutheast.org/ada/publications/legal/Aguirre_v_City_of_Miami.doc>.

¹⁷ *Ingram A.* Parsing the Reasonable Person: The Case of Self-Defense // *American Journal of Criminal Law.* – 2012. – Vol. 39. – № 3. – P. 101–120. – P. 117.

¹⁸ *Skelding A.* The Elusive Standard of Reasonableness? // *UK Law Student Review.* – 2015. – Vol. 3. – № 1. – P. 72–86. – P. 74.

¹⁹ *Vaughan v. Menlove* // <<http://www.casebriefs.com/blog/law/torts/torts-keyed-to-prosser/negligence/vaughan-v-menlove-2/>>.

осмотрительность, которой человек обычного благоразумия будет придерживаться»²⁰.

Сюзан Мэндиберг выделяет два основных способа применения судами стандарта поведения разумного человека: 1) в качестве способа выразить своё собственное мнение по соответствующим вопросам; 2) в целях моделирования ситуации с гипотетическим разумным человеком, уровень которого, как правило, будет выше уровня среднестатистического человека²¹.

4.2. Понятие разумного человека

В том числе, по той причине, что стандарт поведения разумного человека применяется, как уже указывалось выше, при рассмотрении дел в самых разных областях и к различным участникам процесса, в том числе – и к самим судьям, ожидаемо, что не существует общего универсального подхода к определению содержания данного стандарта.

По мнению Алана Миллера и Ронена Перри, стандарт поведения разумного человека – это правовой концепт, наполняемый различным содержанием²².

Имеют место дискуссии относительно того, необходимо ли определять стандарт поведения разумного человека в соответствии с нравственными принципами либо же в соответствии с наблюдаемой практикой или восприятием²³.

Некоторыми исследователями отмечается, что общий характер, спецификации и пределы понятия разумного человека в принципе вытекают из основополагающих этических обязательств²⁴.

Однако где находятся пределы такой «разумности»?

Как отмечает Эрик Колвин, ни один человек не может соответствовать стандарту идеализированного разумного человека всё время, во всех аспектах своего поведения²⁵.

Эндрю Ингрэм выделяет следующие выработанные судами подходы к определению разумного человека: 1) определение в качестве разумного человека гипотетического среднестатистического человека; 2) определение в качестве разумного человека общественного идеала

²⁰ Skelding A. The Elusive Standard of Reasonableness? // UK Law Student Review. – 2015. – Vol. 3. – № 1. – P. 72–86. – P. 73.

²¹ Mandiberg S.F. Reasonable officers vs. reasonable lay persons in the Supreme Court's *Miranda* and Fourth amendment cases // Lewis & Clark Law Review. – 2010. – Vol. 14. – № 4. – P. 1481–1536. – P. 1485–1486.

²² Miller A.D., Perry R. The reasonable person // New York University Law Review. – 2012, May. – Vol. 87. – № 2. – P. 323–392. – P. 325.

²³ Skelding A. The Elusive Standard of Reasonableness? // UK Law Student Review. – 2015. – Vol. 3. – № 1. – P. 72–86. – P. 76.

²⁴ Miller A.D., Perry R. The reasonable person // New York University Law Review. – 2012, May. – Vol. 87. – № 2. – P. 323–392. – P. 327.

²⁵ Colvin E. Ordinary and reasonable people: The design of objective tests of criminal responsibility // <<https://core.ac.uk/download/pdf/46937853.pdf>>. – 24 p. – P. 5.

человека (и его поведения); 3) воплощение в поведении разумного человека объективного этического стандарта, то есть этических принципов, не зависящих от общественного мнения²⁶.

По мнению Сюзан Мэндиберг, концепт разумного человека может использоваться тремя основными способами: в качестве косвенного доказательства фактического психического состояния человека; в качестве стандарта, отражающего то, как среднестатистический человек ведёт себя или смотрит на мир, или в качестве стандарта, который отражает тип поведения, которого немногие люди могут достичь²⁷.

В пользу подхода, в рамках которого под разумным человеком предполагается среднестатистический, не «идеальный» человек, говорит следующее.

В решении по делу «Штат Флорида против Бостика» от 20.06.1991 Верховным судом США было отмечено, что «разумный человек» предполагает невиновного человека²⁸.

Соответственно, в том случае, если речь идёт о среднестатистическом человеке, в тех ситуациях, когда среднестатистический человек будет слаб, смущён или слишком эмоционален, то и соответствующей тяжущейся стороне также будет позволено быть слабой или эмоциональной, в отличие от ситуации, когда в понятие поведения разумного человека закладывается иное²⁹.

Как указывает Эрик Колвин, в соответствии с принципом пропорциональности, при рассмотрении дел, связанных с совершением серьёзных правонарушений, не должны применяться идеалистические или сложные стандарты поведения, а лишь объективные и которые могут быть адаптированы к любым особенностям и обстоятельствам обвиняемого³⁰.

4.3. Поведение разумного человека

Одним из наиболее известных определений разумного поведения является определение, сформулированное с учётом определяемых затрат и выгод в результате такого поведения, и такое определение предполагает, что лицо действует неразумно, если делает меньше, чем предусматривает социально оптимальный уровень

²⁶ *Ingram A.* Parsing the Reasonable Person: The Case of Self-Defense // *American Journal of Criminal Law.* – 2012. – Vol. 39. – № 3. – P. 101–120.

²⁷ *Mandiberg S.F.* Reasonable officers vs. reasonable lay persons in the Supreme Court's *Miranda* and Fourth amendment cases // *Lewis & Clark Law Review.* – 2010. – Vol. 14. – № 4. – P. 1481–1536. – P. 1536.

²⁸ *Case «Florida v. Bostick»* / Decision of the Supreme Court of the United States of June 20, 1991 // <<https://www.law.cornell.edu/supremecourt/text/501/429>>.

²⁹ *Mandiberg S.F.* Reasonable officers vs. reasonable lay persons in the Supreme Court's *Miranda* and Fourth amendment cases // *Lewis & Clark Law Review.* – 2010. – Vol. 14. – № 4. – P. 1481–1536. – P. 1486.

³⁰ *Colvin E.* Ordinary and reasonable people: The design of objective tests of criminal responsibility // <<https://core.ac.uk/download/pdf/46937853.pdf>>. – 24 p. – P. 1.

осторожности. Целью применения такого стандарта судами является предотвращение неэффективного поведения со стороны потенциальных правонарушителей³¹.

Представляет также интерес, что при рассмотрении некоторых уголовных дел стандарт разумного человека, являющийся достаточно объективным, бывает дополнен субъективным элементом, что приводит к применению гибридного критерия: к примеру, в делах о превышении необходимой самообороны необходимо учитывать, во-первых, то, в чём был убеждён обвиняемый, совершая соответствующие действия, а во-вторых, то, насколько его отношение к своим действиям соотносится с отношением, которое в такой ситуации возникло бы у разумного человека³².

4.4. Проблемы и трудности, связанные с применением стандарта поведения разумного человека

Широта применения рассматриваемого стандарта, а также отсутствие общепринятого определения поведения разумного человека неминуемо приводят к возникновению определённых трудностей, связанных с его применением. Так, например, критики применения данного концепта отмечают, что стандарт поведения разумного человека зачастую исползуется в качестве средства реализации судейского усмотрения, облечённого в несколько иную форму, и в качестве даже средства толкования правовой нормы дискриминационным образом (в силу невозможности выработки абсолютно универсального стандарта поведения разумного человека)³³.

Хуан Пабло Перес-Леон Асеведо отмечает, что, несмотря на то что данный стандарт является одним из наиболее важных концептов в американском уголовном праве, он всё же является достаточно абстрактным, поскольку не предусматривает точных или справедливых критериев оценки человеческого поведения³⁴.

По мнению Эндрю Ингрэма, одним из недостатков данного стандарта является его широта и абстрактность, которые оставляют слишком много свободы усмотрения суду³⁵.

Применение стандарта поведения разумного человека сопряжено с рядом трудностей, связанных также с тем, что, например, при определённых обстоятельствах судам приходится снижать этот

³¹ *Miller A.D., Perry R.* The reasonable person // *New York University Law Review.* – 2012, May. – Vol. 87. – № 2. – P. 323–392. – P. 328.

³² *Pérez-León Acevedo J.P.* The inconvenience of the reasonable person standard in criminal law // *Derecho PUCP.* – 2014. – № 73. – P. 505–509. – P. 507.

³³ *Moran M.* The reasonable person: A conceptual biography in comparative perspective // *Lewis & Clark Law Review.* – 2010. – Vol. 14. – № 4. – P. 1233–1283. – P. 1233, 1234.

³⁴ *Pérez-León Acevedo J.P.* The inconvenience of the reasonable person standard in criminal law // *Derecho PUCP.* – 2014. – № 73. – P. 505–509. – P. 506.

³⁵ *Ingram A.* Parsing the Reasonable Person: The Case of Self-Defense // *American Journal of Criminal Law.* – 2012. – Vol. 39. – № 3. – P. 101–120. – P. 117.

стандарт для того, чтобы избежать несправедливости. Например, если речь идёт о несовершеннолетнем, либо о лицах с ограниченными физическими или психическими возможностями³⁶.

Например, в решении по делу «Дж. Д.Б. против штата Северная Каролина» от 16.06.2011 Верховный суд США отметил, что даже если в деле, в котором одной из сторон является ребёнок, к его действиям применяется стандарт поведения разумного человека, необходимо понимать, что «дети – это не взрослые», и это является важным обстоятельством, которое необходимо учитывать³⁷.

При этом Верховный суд штата Нью-Джерси в решении по делу «Stuyvesant Associates против Джона Доу» от 05.10.1987 № 534 A.2d 448, в котором подсудимый с шизофренией без уважительной причины сознательно пропустил назначенную ему очередную инъекцию лекарственного препарата, в результате чего в приступе психоза нанёс ущерб имуществу, отметил, что от разумного человека при тех же обстоятельствах можно было бы ожидать, что он будет получать инъекции в соответствии с графиком³⁸.

Известна и критика стандарта поведения разумного человека по поводу того, что, как правило, под таким человеком понимается человек определённой половой и расовой принадлежности, а также определённой социальной группы³⁹, что не позволяет ему быть действительно универсальным.

5. Заключение

Концепт стандарта поведения разумного человека, действительно, позволяет (несмотря на определённые его недостатки) более точно учитывать обстоятельства конкретного дела, если применимые нормы права сформулированы недостаточно конкретно, однако обладает рядом недостатков, связанных, главным образом, с отсутствием универсальных критериев разумности, а также консенсуса по поводу того, что именно входит в понятие «разумного человека». Но нет непреодолимых препятствий для того, чтобы омолодить и адаптировать этот концепт под обсуждаемые условия.

Право на совершение определённых рискованных действий, обусловленных сложностью клинической ситуации, угрожающей гибелью пациента или непоправимыми последствиями для его здоровья, и

³⁶ *Moran M.* The reasonable person: A conceptual biography in comparative perspective // *Lewis & Clark Law Review.* – 2010. – Vol. 14. – № 4. – P. 1233–1283. – P. 1241–1242.

³⁷ Case «J. D. B. v. North Carolina» / Decision of the Supreme Court of the United States of June 16, 2011 // <<https://www.law.cornell.edu/supct/html/9-11121.ZO.html>>.

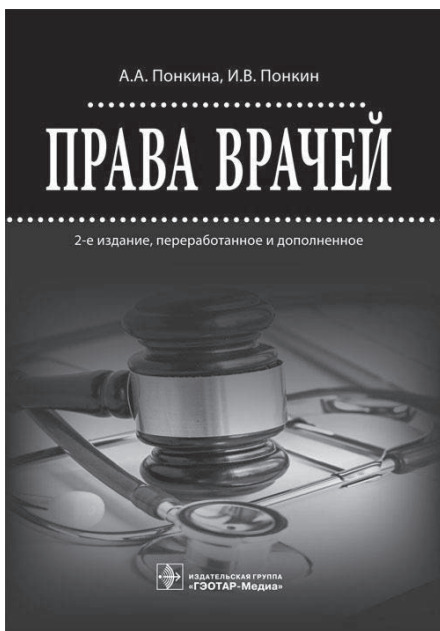
³⁸ Case «Stuyvesant Associates v. John Doe» / Decision of the Superior Court of New Jersey, Law Division Essex County, Special Civil Part of October 5, 1987 № 534 A.2d 448 // <<http://law.justia.com/cases/new-jersey/appellate-division-published/1987/221-n-j-super-340-0.html>>.

³⁹ См., например: *Sperino S.F.* Retaliation and the Reasonable Person // *Florida Law Review.* – 2015. – Vol. 67. – P. 2031–2080.

реализуемых в интересах пациента, должно быть чётко закреплено в законодательстве, но при этом право может быть и должно быть связано омологированным и законодательно разъяснённым стандартом поведения разумного человека.

Но прежде всего, все эти вопросы требуют серьёзного экспертного обсуждения, на стимулирование чего и направлена настоящая статья.

* * * * *

Увидело свет издание, посвящённое правам врачей:

Понкина А.А., Понкин И.В.
Права врачей. Издание 2-е, дополн. и перераб. – М.: ГЭОТАР-Медиа, 2019. – 192 с. ISBN 978-5-9704-5082-6.

Издание посвящено важнейшему для сферы здравоохранения вопросу – правам врачей, на сегодня явно недооценённому и забытому. Отправная точка исследования: отсутствие должного баланса и комплементарности между правами пациентов и правами врачей, имеющийся перекос в сторону обязанностей медицинских работников не способствуют повышению качества и безопасности медицинской помощи, тем более в условиях сильнейших перегрузок медицинских

работников и крайне слабой их социальной и юридической защищённости. Представлена подробная раскладка элементов правового статуса врачей – профессиональных, трудовых, социальных и пенсионных прав этой профессиональной группы. По многим позициям проведены референции к закреплённым в российском и зарубежном законодательстве гарантиям. Подробно объяснены право врача на отказ от участия в осуществлении определённых медицинских вмешательств, право на отказ от ведения конкретного пациента. Описан и объяснён целый ряд других профессиональных прав врачей.

Габния В.В. О конституционно-правовом толковании второго абзаца статьи 19 Конституционного закона Республики Абхазия от 07.06.2004 № 911-с-XIV (ред. 2017 года) «О выборах Президента Республики Абхазия»⁴⁰

On the constitutional-legal interpretation of the second paragraph of Article 19 of the Constitutional Law of the Republic of Abkhazia dated 07.06.2004 No. 911-c-XIV (as amended in 2017) «On the Election of the President of the Republic of Abkhazia»

Введение

Фактические основания для настоящего исследования – разгоревшаяся в абхазском обществе дискуссия по указанному выше вопросу.

Настоящее заключение выполнено в рамках ответа на следующий вопрос:

Имеются ли юридические основания толковать норму второго абзаца статьи 19 Конституционного закона Республики Абхазия от 07.06.2004 № 911-с-XIV (ред. 2017 года) «О выборах Президента Республики Абхазия» в части юридико-лексической конструкции указанной нормы: *«при условии, что число голосов, поданных за кандидата, больше числа голосов, поданных против него»* – как предусматривающую обязательное засчитывание (добавление) числа голосов, поданных «против всех» (*«против всех кандидатов»*) – по смыслу статей 17 и 18 указанного Конституционного закона), в число голосов, поданных именно «против» кандидата-победителя, что по смыслу этой нормы (при превышении размера суммы голосов «против всех» и голосов, поданных за кандидата-аутсайдера (кандидата, проигравшего «второй тур выборов», то есть повторное голосование), –

⁴⁰ **Габния Виталий Викторович** – экс-Вице-Президент Республики Абхазия, председатель Республиканской Политической Партии «Апсны» (Абхазия), юрист. Статья посвящена исследованию вопроса о конституционно-правовом толковании второго абзаца статьи 19 Конституционного закона Республики Абхазия от 07.06.2004 № 911-с-XIV (ред. 2017 года) «О выборах Президента Республики Абхазия».

Ключевые слова: избирательное право, конституционное право, статус президента государства, выборы Президента Республики Абхазии, Республика Абхазия.

Gabniya V.V. On the constitutional-legal interpretation of the second paragraph of Article 19 of the Constitutional Law of the Republic of Abkhazia dated 07.06.2004 № 911-c-XIV (as amended in 2017) «On the Election of the President of the Republic of Abkhazia».

The article is devoted to the study of the constitutional-legal interpretation of the second paragraph of Article 19 of the Constitutional Law of the Republic of Abkhazia dated 07.06.2004 № 911-s-XIV (as amended in 2017) «On the election of the President of the Republic of Abkhazia».

Keywords: elective law, constitutional law, status of the president of the state, election of the President of the Republic of Abkhazia, Republic of Abkhazia.

над числом голосов, отданных за кандидата-победителя) является основанием признания таких выборов не состоявшимися?

Основная часть

Второй абзац статьи 19 Конституционного закона Республики Абхазия «О выборах Президента Республики Абхазия» от 07.06.2004 № 911-с-XIV (ред. 2017 года) устанавливает: **«Избранным считается кандидат, получивший при повторном голосовании наибольшее число голосов избирателей, принявших участие в голосовании, по отношению к другому кандидату, при условии, что число голосов, поданных за кандидата, больше числа голосов, поданных против него, если в выборах приняли участие не менее 25 процентов граждан, внесённых в списки избирателей».**

Идея о необходимости приплюсовывания числа голосов «против всех кандидатов» к числу голосов за кандидата-аутсайдера и суммарного засчитывания таковых (тех и других) как поданных против кандидата-победителя не находит подтверждения в текстовых конструкциях второго абзаца статьи 19 названного Конституционного закона. Но без отсылки к конкретным формулировкам такого рода выводы, очевидно, являются надуманными, неосновательными.

Следует отметить, что интерпретация нормы второго абзаца статьи 19 Конституционного закона Республики Абхазия от 07.06.2004 № 911-с-XIV (ред. 2017 года) «О выборах Президента Республики Абхазия» как предусматривающей обязательное засчитывание числа голосов, поданных «против всех», в число голосов, поданных «против» кандидата-победителя, – носит не абстрактный академический интерес, но имеет далеко идущие, сознательно преследуемые последствия, поскольку, по смыслу указанной нормы в такой её интерпретации, превышение размера суммы голосов «против всех» и голосов, поданных за кандидата-аутсайдера, над числом голосов, отданных за кандидата-победителя, является основанием признания таких выборов не состоявшимися.

Однако такая интерпретация выглядит внешне заслуживающей внимания и правдоподобной только на первый взгляд, без углубления в суть такой интерпретации и без применения к указанной норме надлежащего для такой ситуации спектра методов толкования права.

И уже при сколь-нибудь более подробном разборе быстро выясняется и становится очевидным, что такое толкование названной нормы неосновательно, вступает в противоречие не только с избирательным правом Республики Абхазия, но и провоцирует откровенно абсурдные ситуации. Приведём далее несколько рассуждений.

1. Интерпретация нормы второго абзаца статьи 19 Конституционного закона Республики Абхазия от 07.06.2004 № 911-с-XIV (ред. 2017 года) «О выборах Президента Республики Абхазия» как предусматривающей обязательное засчитывание числа голосов, поданных «против всех», в число голосов, поданных именно «против» кандидата-победителя, – создаёт условия и предпосылки для манипулирования процессом и результатами выборов. Причём прежде всего тем лицом, которое приняло участие в первом туре (заняв третье или одно из нескольких иных мест по числу отданных избирателями голосов), но не вышло во второй тур (или теми, кого это лицо представляет). Условно назовем его токсичным актором.

Если принять, методом от противного, точку зрения, что да, именно так и следует интерпретировать и оценивать число голосов, отданных «против всех» (обязательно суммируя их с голосами, отданными за кандидата-аутсайдера), то такому токсичному актору необходимо добиться, чтобы (при вероятном прогнозировании выхода двух кандидатов второго тура с ожидаемо примерно одинаковым числом голосов) протестная часть избирателей проголосовала «против всех» в таком числе, чтобы это число при сложении с числом голосов, отданных за кандидата-аутсайдера, превышало число голосов, отданных за кандидата-победителя.

Но, теоретически, таким образом возможно «до бесконечности», раз за разом срывать выборы Президента Республики Абхазия, если два наиболее перспективных кандидата ожидаемо будут каждый раз набирать примерно одинаковое число голосов (в последние годы это вполне часто случаемая ситуация во Франции, в США, теперь в Абхазии, во многих других государствах). Раз за разом тем самым дестабилизируя публичный порядок в стране и разрушая её.

В переводе на юридический язык, такую ситуацию следует оценить как детерминированную явными интенциями злоупотребления правом и как явно расходящуюся с принципами проведения выборов Президента Республики Абхазия (статья 3 Конституционного закона Республики Абхазия от 07.06.2004 № 911-с-XIV (ред. 2017 года) «О выборах Президента Республики Абхазия»).

Кроме того, такое толкование не находит подтверждения в телеологическом (целевом) толковании указанной нормы права, поскольку очевидно, что законодатель при разработке и принятии указанного Конституционного закона Республики Абхазия преследовал цели реального смыслового наполнения (в демократическом понимании) и реального гарантирования конституционных принципов демократического государства и правового государства, избирательных прав граждан и обеспечения стабильности демократического процесса воспроизводства власти (статьи 1, 2 и 49 Конституции Республики Абхазия⁴¹).

⁴¹ Конституция Республики Абхазия / Принята на сессии Верховного Совета Республики Абхазия 12-го созыва 26.11.1994, одобрена всенародным голосованием

2. Интерпретация нормы второго абзаца статьи 19 Конституционного закона Республики Абхазия от 07.06.2004 № 911-с-XIV (ред. 2017 года) «О выборах Президента Республики Абхазия» как предусматривающей обязательное засчитывание числа голосов, поданных «против всех», в число голосов, поданных именно «против» кандидата-победителя, – представляет собой, по сути дела, утверждение, что в Республике Абхазия выборы Президента Республики Абхазия во втором туре должны проводиться на основе принципа квалифицированного большинства: необходимо, чтобы за кандидата-победителя за вычетом числа голосов, отданных «против всех», всё равно было бы отдано больше голосов, чем число голосов, отданных за кандидата-аутсайдера.

Но в таком случае это равнозначно утверждению, что исследуемую норму второго абзаца статьи 19 следует интерпретировать как устанавливающую для второго тура выборов (повторного голосования) Президента Республики Абхазия специфическую мажоритарную систему квалифицированного большинства (причём более чем замысловатую), а вовсе не имеющую место сейчас в действительности, по смыслу указанной нормы, мажоритарную систему относительного большинства (*«избранным считается кандидат, получивший при повторном голосовании наибольшее число голосов избирателей, принявших участие в голосовании...»*).

Из примерно 200 государств мира, наверно, можно предположить, что где-то такие замысловатые расчёты (и основанные на них избирательные системы) приветствуются и закреплены законодательно (это не предмет настоящего заключения), но в абсолютном большинстве государств мира подобного рода практика совершенно точно отсутствует, поскольку она имеет мало смысла (если вообще его имеет).

Однако для целей настоящего заключения весьма важно отметить, что такого рода системы (избирательные модели), в принципе, никогда не закрепляются «по умолчанию» (и «на догадливого читателя») и тем более ещё и в виде «загадок», допускающих неопределённые толкования. Совершенно точно правила законотворческой техники во взаимосвязи с общими правовыми принципами избирательного права требуют прямого и чётко изложенного (описанного) ясным языком установления подобного рода мажоритарной системы весьма специфического квалифицированного большинства. Но ничего этого в Конституционном законе Республики Абхазия от 07.06.2004 № 911-с-XIV (ред. 2017 года) «О выборах Президента Республики Абхазия» нет,

03.10.1999 с изменением, принятым на всенародном голосовании (референдуме) 03.10.1999; с изменениями от 30.04.2014 №3494-с-V // <http://presidentofabkhazia.org/upload/iblock/9b1/Конституция_Республики_Абхазия_2015_03_31_13_14_23_110.pdf>.

равно как и в Конституции Республики Абхазия или других законодательных актах Республики Абхазия.

3. Интерпретация нормы второго абзаца статьи 19 Конституционного закона Республики Абхазия от 07.06.2004 № 911-с-XIV (ред. 2017 года) «О выборах Президента Республики Абхазия» как предусматривающей обязательное засчитывание числа голосов, поданных «против всех», в число голосов, поданных именно «против» кандидата-победителя, – совершенно произвольно и безосновательно автоматически записывает (зачисляет) число голосов избирателей, поданных «против всех», по сути дела, в актив кандидата-аутсайдера, создавая странную и не имеющую правового смысла юридическую привилегию для кандидата-аутсайдера.

Следует заметить, что такое регулирование привело бы к странным результатам, когда в одних условиях засчитывание числа голосов, поданных «против всех», в число голосов, поданных именно «против» кандидата-победителя, привело бы к признанию повторного голосования (второго тура выборов) несостоявшимся, а в других – нет, причём разница может оказаться весьма ничтожна.

В любом случае, всё это очень существенно запутывало бы избирательное право, разрушало бы ясный и прозрачный порядок выборов Президента Республики Абхазия.

В действительности, число голосов избирателей, поданных «против всех», равным образом относится и к кандидату-аутсайдеру. Лексическая конструкция «против всех» здесь вполне семантически определённа, исчерпывающе ясна, означая, что отданные против всех голоса выраженно позиционируются так же и против кандидата-аутсайдера (а вовсе не только против кандидата-победителя), что не дает никаких юридических и фактических оснований для указанной выше совершенно надуманной юридически-дефектной привилегии для кандидата-аутсайдера.

Однако даже если число голосов избирателей, поданных «против всех», делить пополам между кандидатом-победителем и кандидатом аутсайдером или пусть даже делить между ними в пропорции сообразно пропорции между набранными ими голосами избирателей, то это никак (с вероятностью, стремящейся к 100 %) не повлияет на исход выборов, не ликвидируя разрыва в числах голосов, отданных за двух кандидатов (как, например, на только что прошедших выборах 2019 года), превращая такую манипуляцию в совершенно бессмысленную.

4. Элективная опция «против всех кандидатов» на выборах (в избирательном праве и процессе тех государств, где таковая предусмотрена законодательно) отражает особое мнение избирателя. И хотя в большинстве государств мира таковая опция не приветствуется и, соответственно, не закреплена в законодательстве о выборах, она, как считается, позволяет обеспечить большую свободу выбора избирателя на выборах. Эта опция автономна, и ей атрибутируется специфическое предназначение, а в силу этого пул голосов избирателей «против всех кандидатов» должен оцениваться отдельно с пулами голосов избирателей за того или иного кандидата или с полной совокупностью пулов голосов за каждого из кандидатов суммарно. В противном случае, это было бы сопоставимо с засчитыванием в пользу кандидата-аутсайдера, к примеру, числа всех испорченных избирательных бюллетеней.

Если бы имело место обратное, то это совершенно определённо должно было бы найти не просто отражение, но прямое и развернутое раскрытие механизма сreferенцирования (соотнесения и соинтегрирования) набранного по итогам выборов пула голосов избирателей «против всех кандидатов» с пулом голосов за какого-то из кандидатов, маркируемого таким образом, чтобы это позволяло его выделить, конкретизировать.

То, что законодатель не установил во втором абзаце статьи 19 Конституционного закона Республики Абхазия от 07.06.2004 № 911-с-XIV (ред. 2017 года) «О выборах Президента Республики Абхазия» механизма распределения или иного сreferенцирования объёма голосов избирателей, поданных «против всех кандидатов», с пулами голосов избирателей, отданными за того или иного кандидата – кандидата-победителя по итогам выборов или кандидата-аутсайдера, очевидным образом свидетельствует, что законодатель и не закладывал в этот Конституционный закон такого правового (или организационно-технического) механизма и таковой механизм не предусмотрен этим актом.

Следовательно, идея необходимости приплюсовывания числа голосов «против всех кандидатов» к числу голосов за кандидата-аутсайдера и суммарного засчитывания таковых (и тех, и других) как поданных против кандидата-победителя игнорирует и искажает реальную природу и онтологию элективной опции «против всех кандидатов» в избирательном праве и процессе.

5. Пытаясь интерпретировать механизм подсчёта голосов как увязанный на оперирование в первую очередь негативными волеизъявлениями (голосами против) как приоритетными перед позитивными волеизъявлениями (голосами за), а не, как это заложено в ныне действующем законодательстве Республики Абхазия, наоборот – заложен подсчёт, отталкивающийся от результата сравнения голосов за одного кандидата и за второго кандидата (на повторном голосовании), –

лица, отстаивающие идею необходимости приплюсовывания числа голосов «против всех кандидатов» к числу голосов за кандидата-аутсайдера и суммарного засчитывания таковых (тех и других) как поданных против кандидата-победителя, – даже не отдадут себе отчёт, что такая интерпретация юридически некомпетентна и юридически неосновательна в силу того, что произвольно и юридически необоснованно привносит в новую (действующую ныне) мажоритарную модель избирательной системы искусственно и произвольно извлеченные рудименты старой, уже ныне не действующей, системы. Ранее действовавшая избирательная система в Республике Абхазия, действительно, концептуально основывалась на волеизъявлениях против кандидатов (по сути – метод «выбивания»), но она уже давно утратила своё значение.

6. Обоснованно понимать и толковать исследуемую норму статьи 19 во взаимосвязи с нормами статей 17 и 18 указанного Конституционного закона Республики Абхазия.

Интерпретация нормы второго абзаца статьи 19 Конституционного закона Республики Абхазия от 07.06.2004 № 911-с-XIV (ред. 2017 года) «О выборах Президента Республики Абхазия» как предусматривающей обязательное засчитывание числа голосов, поданных «против всех», в число голосов, поданных именно «против» кандидата-победителя, – явно игнорирует результаты формально-юридического толкования этой нормы в части юридически значимого семантического различия в ней «*числа голосов, поданных против него*» (адресат в единственном числе), где имеется в виду кандидат-победитель, с предусматриваемым статьями 17 и 18 указанного Конституционного закона числом голосов «*против всех кандидатов*» (собираательно маркированный адресат во множественном числе).

Нормы статей 17 и 18 указанного Конституционного закона Республики Абхазия совершенно точно разграничивают понятия «за каждого» [кандидата] и «против всех» [кандидатов].

7. Число голосов избирателей, поданных «*против всех кандидатов*» (по смыслу статей 17 и 18 указанного Конституционного закона), представляет собой и должно фиксироваться как третье мнение избирателя, которое самостоятельно и не смешиваемо с другими результатами повторного голосования (ни с голосами избирателей, отданными за кандидата-победителя, ни с голосами избирателей, отданными за кандидата-аутсайдера). И это, кстати, находит отражение в консенсусе в абхазском обществе и среди специалистов (см., например, заявление кандидата в Президенты Республики Абхазия А.А. Квициния от 03.09.2019).

Выводы

Ответ отрицательный, юридические основания для положительного ответа на поставленный вопрос отсутствуют.

Лица, отстаивающие указанную идею (о необходимости приплюсовывания числа голосов «против всех кандидатов» к числу голосов за кандидата-аутсайдера и суммарного засчитывания таковых (тех и других) как поданных против кандидата-победителя) не могут не понимать всего выше изложенного, не могут не отдавать себе в этом отчёт, считать их невежественными оснований нет. Значит, здесь имеет место злоупотребление правом, преднамеренное искажение правового смысла статьи 19 Конституционного закона Республики Абхазия от 07.06.2004 № 911-с-XIV (ред. 2017 года) «О выборах Президента Республики Абхазия».

Интерпретация нормы второго абзаца статьи 19 Конституционного закона Республики Абхазия от 07.06.2004 № 911-с-XIV (ред. 2017 года) «О выборах Президента Республики Абхазия» как предусматривающей обязательное засчитывание числа голосов, поданных «против всех», в число голосов, поданных именно «против» кандидата-победителя, юридически и фактически необоснованна и в силу этого является ложной и дефектной, противоречит законодательству Республики Абхазия.

* * * * *

Цыбизова Н.А. Правовое регулирование состояния безвестного отсутствия военнослужащих во время Великой Отечественной войны ⁴²

Современное исследование безвестного отсутствия граждан, актуальное для социальных и правовых потребностей российского общества и государства, невозможно представить без обращения к актам советского законодательства и к особенностям правового регулирования состояния безвестного отсутствия военнослужащих во время Великой Отечественной войны.

Юридическая конструкция безвестного отсутствия онтологически нераздельно связана с военными действиями и имеет прямое действие во время войны. При этом регулирование положения пропавших без вести и их семей во время Великой Отечественной войны было противоречивым. Война всегда «ведёт к массовым случаям исчезновения, как военнослужащих, так и других граждан, оказавшихся по той или иной причине в зоне военных действий. О подавляющем большинстве лиц, пропавших на войне, нет никаких сведений, неизвестно даже, живы эти лица или нет. Такова, например, судьба многих тысяч советских граждан, угнанных фашистами из оккупированных районов на каторгу в Германию или арестованных фашистами и потом вывезенных из тюрем, «в неизвестном

⁴² **Цыбизова Наталья Алексеевна** – кандидат юридических наук, старший преподаватель Сибирского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

В статье анализируется правовое регулирование положения безвестно отсутствующих граждан и членов их семей во время Великой Отечественной войны. В советский период были созданы нормы, регулирующие положение безвестно отсутствующих граждан и членов их семей. Во время Великой Отечественной войны регулирование безвестного отсутствия продолжилось с учётом военной обстановки. Был принят ряд актов. Цель принятия этих актов составляли правовое регулирование состояния безвестного отсутствия граждан и устранение последствий безвестного отсутствия физического лица, что способствовало развитию законодательства.

Ключевые слова: безвестное отсутствие, пропала без вести, военнослужащие, правовое регулирование, Великая Отечественная война.

Tsibizova N.A. Legal regulation of the state of the absence of military personnel during the Great Patriotic War.

During the Soviet period, norms regulating the situation of missing citizens and their families were created. During the great Patriotic war, the regulation of the unknown absence continued taking into account the military situation. many acts have been adopted. The Purpose of these acts – was the legal regulation of the unknown absence of citizens and elimination of the consequences of the unknown absence of an individual, which contributed to the development of legislation.

Keywords: unknown absence, missing persons, military personnel, legal regulation, Great Patriotic War.

направлении»⁴³.

Необходимость правового регулирования состояния безвестного отсутствия военнослужащих во время Великой Отечественной войны вызвала издание ряда подзаконных актов.

В частности, 7 июня 1941 г. было принято Постановление Президиума Верховного Совета СССР «Об орденах и медалях СССР умерших или безвестно отсутствующих награждённых» (Протокол № 9, пункт 161), где было определено: «распространить порядок возвращения и оставления орденов в Президиуме Верховного Совета СССР после смерти или в случае безвестного отсутствия награждённых, предусмотренный Статутами ордена Ленина и ордена Трудового Красного Знамени, на ордена “Красное Знамя”, “Красная Звезда”, “Знак Почёта” и на все медали СССР (за исключением юбилейной медали “XX лет РККА”)». Обращает на себя внимание, что в указанном документе рассматриваются как равнозначные две конструкции: «умершего» и «безвестно отсутствующего» – и говорится о фактической смерти, а не о признании умершим.

Известный Приказ Ставки Верховного Главного Командования Красной Армии № 270 от 16.08.1941 «Об ответственности военнослужащих за сдачу в плен и оставление врагу оружия», определял: «если... часть красноармейцев вместо организации отпора врагу предпочтут сдать в плен – уничтожать их всеми средствами, как наземными, так и воздушными, а семьи сдавшихся в плен красноармейцев лишать государственного пособия и помощи».

При этом необходимо обратить внимание на статистику: «Общие безвозвратные потери Красной Армии и Военно-морского флота на советско-германском фронте и в Войне с Японией составили: пропало без вести, попало в плен – 4 455 620, что в процентном соотношении к числу потерь составило 39,4»⁴⁴.

Следует обратить внимание, что термины «пропал без вести» и «попал в плен» применяются как однопорядковые. Это связано с тем, что пропавшие без вести приравнивались к сдавшимся в плен.

На всём протяжении существования института безвестного отсутствия одной из проблем являлось отсутствие понятийного аппарата и трактовок понятий: безвестного отсутствия, безвестно отсутствующего, без вести пропавшего гражданина.

⁴³ Новицкий И.Б. Безвестное отсутствие в условиях войны // Вопросы гражданского и трудового права периода Великой Отечественной войны: Учёные записки / Всесоюзный институт юридических наук НКЮ СССР. – М., 1944. – Вып. III. – С. 107–124.

⁴⁴ Кривошеев Г.Ф., Андроников В.М., Буриков П.Д., Гуркин В.В. Великая Отечественная без грифа секретности. Книга потерь: Новейшее справочное издание. – М.: Вече, 2010. – С. 64.

Между тем, как отмечал А.К.Юрченко, «указанные в статье 12 Гражданского кодекса РСФСР обстоятельства (отсутствие лица в месте его жительства, отсутствие сведений о месте его пребывания, длительность этой неизвестности), при наличии которых лицо может быть признано безвестно отсутствующим, не являются исчерпывающими и недостаточны для определения специфики случаев безвестного отсутствия. Если бы практика ограничивалась установлением только указанных в статье 12 Гражданского кодекса РСФСР обстоятельств, под понятие безвестного отсутствия могло бы подпасть отсутствие всякого лица, о местонахождении которого нет сведений»⁴⁵.

Увеличение количества пропавших без вести и безвестно отсутствующих во время Великой Отечественной войны потребовало толкования существующих норм. В частности, 23 февраля 1943 г. последовало указание Народного комиссара юстиции СССР «О порядке выдачи нотариальными конторами свидетельств о признании без вести пропавших военнослужащих умершими», где говорилось, что «по имеющимся в Народном комиссариате юстиции Союза ССР данным, некоторые нотариальные конторы выдают по ходатайству родственников военнослужащих свидетельства о признании последних умершими на основании предъявления ими одних только уведомлений (извещений) органов Наркомата Оборона о безвестной пропаже военнослужащего. Такие действия нотариальных контор, как не основанные на законе, являются неправильными. Согласно статье 12 Гражданского кодекса РСФСР и соответствующих статей ГК других союзных республик нотариальные конторы могут выдавать свидетельства о признании лиц, безвестно пропавших, умершими лишь при наличии таких документальных данных, которые подтверждают факт гибели лица безвестно пропавшего (протоколов о кораблекрушении, актов о несчастном случае, сообщений официальных лиц и т.п.). При отсутствии таких документальных данных, признание без вести пропавших умершими может состояться лишь по судебному решению, вынесенному по иску заинтересованных лиц и учреждений. Уведомления или извещения надлежащих органов Наркомата Оборона о безвестной пропаже военнослужащих, высылаемые их родственникам, сами по себе не являются в условиях нынешней Великой Отечественной войны доказательством факта гибели без вести пропавшего военнослужащего».

Таким образом, в рассматриваемом Указании НКЮ СССР предписывалось следующее: «Нотариальным конторам прекратить выдачу свидетельств о признании без вести пропавших военнослужащих умершими на основании одних только уведомлений об этом подлежащих органов военного ведомства, без представления других документальных данных, подтверждающих факт гибели

⁴⁵ Юрченко А.К. Безвестное отсутствие по советскому гражданскому праву / Отв. ред. Ю.К. Толстой. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1954. – С. 3–4.

военнослужащих».

Представляют интерес пояснения учёных по поводу этого вопроса. Так, Г.Н. Амфитеатров комментирует, что «фактический состав безвестной пропажи, по крайней мере, при пропаже в обстановке военных действий, ещё недостаточен для того, чтобы презюмировать (предполагать) смерть безвестно пропавшего. Во время минувшей войны, нередко бывали случаи, когда безвестно пропавший оказывался, например, во вражеском окружении, или вступал в партизанский отряд, не имея почему-либо возможности вернуться в свою войсковую часть, или был угнан на фашистскую каторгу, и проходило немало времени, прежде чем такой человек мог дать о себе знать. Этого рода случаями и вызвано было разъяснение НКЮ СССР от 23.02.1943, согласно которому уведомления органов военного ведомства о безвестной пропаже военнослужащих в условиях Великой Отечественной войны не могут служить достаточным доказательством безвестной пропажи военнослужащих. Кроме названных уведомлений, для этого требуются другие документальные данные, подтверждающие факты, характеризующие безвестную пропажу военнослужащего. Это разъяснение всё же не устранило стоящих здесь трудностей. НКЮ СССР сделал то, что он мог сделать, не меняя закона: он предупредил случаи необоснованного признания безвестно пропавших умершими»⁴⁶.

Цитируя И.Б. Новицкого, следует обратить внимание на следующее замечание: «дела о безвестно отсутствующих проходят без соблюдения, предусмотренного в законодательстве порядка и притом, быть может, при рассмотрении дел других категорий, вследствие чего о них ничего не известно. Между тем вопрос о безвестном отсутствии во время войны имеет актуальное значение и требует полного освещения»⁴⁷.

В это время встает следующий вопрос: является ли признание безвестно отсутствующим обязательной стадией для объявления гражданина умершим.

Так, П.Е. Орловский отмечал, что «Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР своим определением разъяснила, что признание лица безвестно отсутствующим не является обязательной стадией, предвещающей признание лица умершим. Отсутствующее лицо может быть признано умершим в судебном порядке и без предварительного признания его сначала безвестно отсутствующим, если истекло три года со дня получения последних известий о месте его пребывания или если истекло шесть месяцев со

⁴⁶ Амфитеатров Г.Н. Институт безвестного отсутствия в нашем праве // Социалистическая законность. – М., 1946. – № 7–8 (июль – август). – С. 16–17.

⁴⁷ Новицкий И.Б. Безвестное отсутствие в условиях войны // Вопросы гражданского и трудового права периода Великой Отечественной войны: Учёные записки / Всесоюзный институт юридических наук НКЮ СССР. – М., 1944. – Вып. III. – С. 107–124.

дня удостоверенной военным ведомством безвестной пропажи его во время военных действий или со дня несчастного случая, при наличии обстоятельств, дающих основание предположить гибель его от этого несчастного случая. В последнем случае признание лица умершим производится нотариальной конторой»⁴⁸.

И.Б. Новицкий высказал критические замечания в адрес законодательного регулирования проблем, связанных с безвестным отсутствием: «Прежде всего, надо признать чрезмерно коротким шестимесячный срок для объявления умершим лица, безвестно пропавшего во время военных действий. К этой категории следует отнести и военнослужащего, который, быть может, взят в плен или, оказавшись после боя или во время разведки в тылу врага, вступил в партизанский отряд; пропавшими “во время военных действий” следует признать и граждан (не военнослужащих), командированных со специальным заданием в прифронтовую полосу, и угнанных в Германию жителей оккупированных врагом районов, и пропавших во время эвакуации»⁴⁹.

Это предложение должно было послужить гарантией того, что пропавшие без вести не будут лишены принадлежащих им прав, пока они фактически не имеют возможности заявить о своем существовании. Впоследствии эти замечания были учтены и внесены в Основы гражданского законодательства СССР 1961 года.

Определённой гарантией сохранения принадлежащих пропавшим без вести прав следует считать ещё один акт. В частности, в Постановлении Совета Народных Комиссаров СССР № 632 от 04.05.1943 «О льготах для семей военнослужащих и без вести пропавших на фронтах Отечественной войны» предусматривалось сохранить на все время войны за семьями военнослужащих, погибших и без вести пропавших на фронтах Отечественной войны, все льготы, предоставляемые семьям военнослужащих, состоящих в Красной Армии, Военно-Морском Флоте и войсках НКВД.

Процесс правового регулирования безвестного отсутствия был продолжен Указом Президиума Верховного Совета СССР от 10.11.1944 «О порядке признания фактических брачных отношений в случае смерти или пропажи без вести на фронте одного из супругов».

В Указе устанавливалось, что в тех случаях, когда фактические брачные отношения, существовавшие до издания Указа Президиума Верховного Совета СССР от 08.07.1944, не могут быть зарегистрированы, согласно статье 19 Указа, вследствие смерти или вследствие пропажи без вести на фронте одного из лиц, состоявших в

⁴⁸ Орловский П.Е. Признание безвестно-отсутствующим и умершим в условиях войны // Социалистическая законность. – М., 1942. – № 5 (март). – С. 13-15.

⁴⁹ Новицкий И.Б. Безвестное отсутствие в условиях войны // Вопросы гражданского и трудового права периода Великой Отечественной войны: Учёные записки / Всесоюзный институт юридических наук НКЮ СССР. – М., 1944. – Вып. III. – С. 107–124.

таких отношениях, другая сторона имеет право обратиться в народный суд с заявлением о признании её супругом умершего или пропавшего без вести лица на основании ранее действовавшего законодательства (статьи 11 и 12 Кодекса законов о браке, семье и опеке РСФСР и соответствующие статьи кодексов других союзных республик). То есть лица, которые состояли в фактических брачных отношениях, получили возможность зарегистрировать брак, в обязательном порядке указывая срок фактических брачных отношений.

Однако действие этого Указа было не ограничено во времени, и это привело к определённым последствиям. Как замечает А.И.Пергамент: «В течение длительного времени после издания Указа от 10.11.1944 судебная практика стояла на той точке зрения, что факт состояния в фактических брачных отношениях при условии, что эти отношения возникли до издания Указа от 08.07.1944 и продолжались до смерти супруга, может быть установлен независимо от времени их возникновения и причин неоформления в органах ЗАГСа. Никаких ограничений для установления этого факта не предусматривало, в частности, постановление Пленума Верховного суда СССР от 29.06.1945, в котором прямо указывалось, что к делам, подлежащим рассмотрению в суде, относятся "...дела об установлении факта состояния в фактических брачных отношениях, если эти отношения возникли до 8 июля 1944 г. и не могут быть оформлены согласно статье 19 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 8 июля 1944 г. вследствие смерти или вследствие пропажи без вести одного из лиц, состоящих в таких отношениях". Впоследствии судебная практика пошла несколько по иному пути. Постановлением Пленума Верховного суда СССР от 16.11.1951 было установлено, что Указ от 10.11.1944 может быть применен в тех отдельных случаях, когда смерть или пропаж без вести одного из супругов произошла в период Отечественной войны или хотя бы и после окончания Отечественной войны, но фактические брачные отношения возникли задолго до издания Указа. Пленум Верховного суда СССР в этом постановлении для возможности применения Указа от 10.11.1944 вводит два новых условия, не предусмотренных Указом: 1) возникновение фактических брачных отношений не только до 8 июля 1944 г., но задолго до этого времени; 2) невозможность оформления брака в органах Загса по не зависящим от супругов обстоятельствам»⁵⁰. Трансформация правового регулирования безвестного отсутствия была неизбежна.

Следует сказать, что во время Великой Отечественной войны и после неё розыск в Союзе ССР пропавших без вести был затруднён. Опубликование объявления о пропавшем без вести было невозможно. Только в 80-е годы XX века в России появилась возможность публикации списков погибших и без вести пропавших в годы Великой Отечественной войны в средствах массовой информации.

⁵⁰ Пергамент А.И. Установление по суду факта состояния в фактических брачных отношениях // Советское государство и право. – 1954. – № 4. – С. 110–112.

Зарубежная практика шла по другому пути, в Германии, например, было возможно помещение объявления в газете во время войны и после неё. Представляется уместным привести в качестве примера объявление о розыске пропавших в германской газете «Гегенварт», в № 10–11 за 1946 год: «Кто может сообщить о местонахождении моего единственного сына Хайнца Штауденмайера, род. 04.12.1922, полевая почта № 23596, с 6 по 12 января 1943 г. находившегося на дивизионном медицинском пункте Каховка под Сталинградом. Просьба, сообщить сведения матери по адресу: Мария Штауденмайер, Штутгарт, Арминштрассе...»⁵¹.

Великая Отечественная война потребовала изменения и дополнения законодательства о безвестном отсутствии граждан не только в Союзе ССР, но и в других странах. Как справедливо отмечал Л. Раале, «в результате войны многие государства частично изменили и частично дополнили свои правила относительно объявления лица умершим и безвестно отсутствующим, так как иногда затруднительно с достоверностью все это установить»⁵². Например, в Германии «после окончания второй мировой войны объявление умершими граждан, пропавших без вести на фронте, получило значительное распространение. Объявление умершим регулируется Законом от 04.07.1939, постановлениями Немецкого управления юстиции от 22 февраля и 23 июля 1949 г. о допустимости объявления умершими участников войны (ZVOB1. S. 124, 550) и Постановлением Правительства ГДР от 15.11.1951 о сокращении сроков безвестного отсутствия (GBI. S. 1059). Умершим может быть объявлен безвестно отсутствующий, т.е. лицо, местонахождение которого неизвестно и смерть которого по обстоятельствам дела представляется вероятной... Если безвестное отсутствие наступило в связи с военными действиями, то для объявления умершим необходимо истечение одного года после заключения мирного договора. Поскольку после второй мировой войны мирный договор с Германией заключён не был, постановлениями Немецкого управления юстиции от 22 февраля и 23 июля 1949 г. было разрешено признание умершими с 1 августа 1949 г. безвестно пропавших участников войны. В отношении таких участников войны, не объявленных в надлежащем порядке умершими, была установлена презумпция (предположение) смерти с той же даты. В связи с последним правилом в практике признается недопустимым установление для защиты интересов пропавших без вести участников войны “попечительства из-за отсутствия”, предусмотренного в § 1911 ГГУ, поскольку такое попечительство не может быть установлено в пользу

⁵¹ Война Германии против Советского Союза 1941–1945 // Документальная экспозиция / Под ред. Рейнгарда Рюрюпа. 2-е изд. – Берлин: Аргон, 1994. – С. 54.

⁵² Раале Л. Международное частное право: Сокращ. пер. с четвёртого нем. изд. А.М. Гурвича / Под ред. и с предисл. Л.А. Лунца. – М.: Издат. иностр. литературы, 1960. – С. 181.

лиц, законно предполагаемых умершими»⁵³.

Стоит сказать, что «неизвестность относительно многих лиц, пропавших без вести, привела к подписанию 31 государством (за исключением СССР) Конвенции об объявлении умершими лиц, безвестно отсутствующих (Convention of the Declaration of Death of Missing Persons), на заседании ООН (15 марта – 16 апреля 1950 г.)»⁵⁴.

В СССР в послевоенное время были продолжены попытки правового регулирования положения пропавших без вести граждан. Как писал А.К. Юрченко: «много граждан было уничтожено, или угнано в фашистское рабство. О многих из них нет известий и в настоящее время. Оставшиеся родственники нуждаются во внесении правовой определённости в их отношения с безвестно исчезнувшими лицами»⁵⁵. Названный автор отмечает, что специфика безвестного отсутствия заключается в том, что «отсутствующее лицо погибает при таких обстоятельствах, когда, несмотря на все принятые меры, факт его смерти остается невыясненным. Невозможность установить факт жизни или смерти лица и позволяет признать такое лицо безвестно отсутствующим или умершим, в зависимости от того, устанавливается ли только факт безвестного отсутствия, т.е. отсутствие сведений о жизни лица, или доказываются также и обстоятельства, обосновывающие возможность применения презумпции смерти»⁵⁶.

Следует согласиться с утверждением А.Г. Потюкова, что «каждый институт советского гражданского права в той или иной мере своими специфическими средствами призван охранять и защищать интересы государства и граждан. Это в равной степени относится и к институту безвестного отсутствия. Однако в понимании сущности и специфики данного института в гражданско-правовой литературе нет единства взглядов, что отрицательно отражается на решении практических вопросов. Различие взглядов определяется не только разным пониманием сущности вопроса, но во многом и нечёткостью действующего законодательства»⁵⁷.

⁵³ Генкин Д.М., Богуславский М.М., Лаптев В.В. Гражданское право стран народной демократии / Под ред. Д.М. Генкина. – М.: Внешторгиздат, 1958. – С. 252–254.

⁵⁴ Раале Л. Международное частное право: Сокращ. пер. с четвёртого нем. изд. А.М. Гурвича / Под ред. и с предисл. Л.А. Лунца. – М.: Издат. иностр. литературы, 1960. – С. 179.

⁵⁵ Юрченко А.К. Безвестное отсутствие по советскому гражданскому праву / Отв. ред. Ю.К. Толстой. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1954. – С. 3.

⁵⁶ Юрченко А.К. Безвестное отсутствие по советскому гражданскому праву / Отв. ред. Ю.К. Толстой. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1954. – С. 3.

⁵⁷ Потюков А.Г. Безвестное отсутствие // Вопросы кодификации советского права. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1957. – Вып. 1. – С. 48.

Таким образом, правовое регулирование института безвестного отсутствия граждан во время Великой Отечественной войны имело весьма фрагментарный, а, следовательно, и достаточно противоречивый характер, что отражалось на результатах процесса признания гражданина безвестно отсутствующим. В правоприменительной практике нередко происходила подмена понятий. Основой правового регулирования рассматриваемого правового института были подзаконные нормативные акты, регулирующие отдельные стороны института безвестного отсутствия граждан. Для устранения нечёткости требовалось дальнейшее совершенствование гражданского законодательства и правоприменительной практики, что в конечном итоге определило изменения, внесённые в Основы гражданского законодательства СССР 1961 года.

* * * * *

Прудовская О.В. К вопросу об обязательной сертификации в сфере спорта⁵⁸

В современном обществе спорт – не только состязательное движение индивидов, целью которой выступает достижение наиболее значительных результатов в определённых видах спорта, это особое средство удовлетворения зрелищных притязаний человека (в частности) и общества (в целом). На настоящем этапе общественного генезиса спорт занимает исключительное, по сравнению с иными историческими периодами человеческого развития, место. Данный факт объясняется, в частности, тем, что в современном мире спорт, в связи с активным внедрением различных соревнований в международную сферу, с увеличением количества межнациональных и национальных команд, обладает значительной элитарностью, а высокие достижения в данной сфере признаны престижем нации. Спортивные достижения, кроме того, – своеобразный критерий социально-экономического и культурного генезиса современного государства, повышающий чувство патриотизма и дух нации, и способствующий развитию особо необходимых в настоящее время нормальных межнациональных отношений⁵⁹.

Правительство Российской Федерации в рамках Постановления от 21.01.2015 № 30 утвердило национальную программу развития спортивного движения⁶⁰, в качестве цели которой признана

⁵⁸ Прудовская Оксана Вячеславовна – заместитель генерального директора АНО «ЦСРФКИС» (органа по сертификации в области спорта).

Статья посвящена исследованию в области обязательной сертификации спортивного оборудования. Автор излагает обоснование необходимости такой меры.

Ключевые слова: обязательная сертификация, спортивное оборудование, спорт, государственное управление в сфере спорта.

Prudovskaya O.V. On the issue of mandatory certification in the field of sports.

The article is devoted to research in the field of mandatory certification of sports equipment. The author sets out the rationale for the need for such a measure.

Keywords: mandatory certification, sports equipment, sports, public administration in the field of sports.

⁵⁹ См.: Государственное управление в сфере спорта: Учебник для магистров / Кафедра спортивного права Института современного прикладного права Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА). – М.: Буки Веди, 2017. – 485 с. Понкин И.В., Редькина А.И., Гребенников В.В., Кузнецов М.Н., Болтнев В.К., Богатырев А.Г. Гибридная (юридическая, организационная, информационная) война против российского спорта. Юридический анализ документов ВАДА и МОК против российского спорта 2015–2017 гг.: Сборник / Консорциум специалистов по спортивному праву. – М.: Буки Веди, 2018. – 401 с.

⁶⁰ Постановление Правительства Российской Федерации от 21.01.2015 № 30 (в ред. от 07.09.2018) «О федеральной целевой программе “Развитие физической культуры и спорта в Российской Федерации на 2016–2020 годы” // Собрание законодательства Российской Федерации. – 02.02.2015. – № 5. – Ст. 810.

гарантированность эффективных инфраструктурных констант для реализации основных национальных программ, отраженных в Стратегии развития России в данном направлении до 2020 года⁶¹, а также – формирование условий, которые способны обеспечить гражданам возможность реализации намерений участия в системных спортивных мероприятиях, повысить результативность спортсменов высокой квалификации.

Актуальность избранной темы магистерской диссертации «Государственная сертификация в сфере физической культуры и спорта в Российской Федерации» подчеркивается тем, что в современном обществе спорт в целом (массовый, любительский, профессиональный либо спорт наивысших результатов) представляет собой особую по правовой природе сферу нематериальных высокотехнологичных услуг, которые должны быть обеспечены стандартами гарантированной безопасности. Активно развивающаяся в современном обществе спортивная индустрия призвана обеспечивать секьюрность как человеческой жизни, здоровья, так и материальных благ субъектов данных правоотношений, в связи с чем должна соответствовать конгломерату императивных требований, в том числе, касающихся безопасности, подтвержденной государственной сертификацией. Сертификация в данной важнейшей сфере имеет особое значение, поскольку в качестве её цели признано не только увеличение необходимого внимания к надежности и травмобезопасности спортивных сооружений, но и активизация массовости физкультурного движения в связи с повышением степени секьюрности предоставляемых в нашей стране спортивных услуг.

Следствием того, что данный институт в современной России развивается, является принятие и совершенствование Федерального закона, регулирующего национальную сферу спорта⁶², в котором регламентированы требования к государственным органам управления и муниципалитетам по активизации работы, направленной на развитие спортивного движения, соответствующего федеральным стандартам. В России активно действует ряд утвержденных ГОСТов, призванных обеспечивать эффективное качество и безопасность объектов в спортивной области, уменьшив, в результате, травматичность лиц.

Актуальность избранной темы подтверждается тем, что в настоящее время имеет место ряд проблем в данной сфере, в частности наличие такого сдерживающего фактора в сфере развития сертификации спортивных услуг, как отсутствие требований к

⁶¹ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 07.08.2009 № 1101-р «Об утверждении Стратегии развития физической культуры и спорта в РФ на период до 2020 г.» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 17.08.2009. – № 33. – Ст. 4110.

⁶² Федеральный закон от 04.12.2007 № 329-ФЗ «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 10.12.2007. – № 50. – Ст. 6242. В действ. ред. – СПС «Консультант Плюс».

сертификации обязательного характера отдельных, признанных опасными для жизни, здоровья и материальных благ потребителя спортивных услуг, в том числе фитнес-услуг, наряду с травмоопасными спортивными объектами. Реализация данной задачи возможна через совершенствование действующих, разработку и утверждение новых стандартов, осуществляющих правовое регулирование оказания услуг в данной сфере, и, как результат, формирование единой политики качества.

В связи с этим в современном обществе краеугольным камнем выступают аспекты сертификации современного спорта, свидетельствующие об уровне качества предоставляемых услуг и подразумевающие регламентацию, стандартизацию, учёт и контроль, защиту прав получателей подобных услуг, в том числе от участвовавшей недобросовестности отдельных субъектов данных правовых связей, которая способствует увеличению степени травматичности.

В цивилистике существует ряд проблем и дискуссионных вопросов в сфере сертификации спорта, что подчеркивает недостаточную доктринальную исследованность избранной темы. Данными проблемами занимались С.В. Гвоздиков, Е.Н. Чекмарева, К.В. Кабитова, М.И. Лещенко, другие исследователи. Однако, несмотря на вклад в науку, учёными недостаточно исследованы отдельные вопросы сертификации, включая аспекты генезиса данных правоотношений, вопросы сравнительной характеристики национального и иностранного права в данной сфере, ряд других актуальных положений. В результате автор утверждает, что истинное понимание сертификации в спортивной сфере, как особого и значимого для современного общества правового явления, фактическое значение его современной регламентации во взаимосвязи с положениями современной российской науки – вопрос достаточно актуальный и чрезвычайно сложный.

Активизация спортивных явлений в XXI веке и появление новых технологий в данной сфере в мире способствовали дальнейшему развитию сертификации спортивных объектов. Тем не менее, необходимо признать, что современные спортивные сертификационные процессы имеют истоки с первой половины XX века, которая отмечена появлением многочисленных разновидностей видов спорта и новых спортивных услуг – бодибилдинга, аэробики, шейпинга и т.д., выступивших в качестве существенного символа обновлённого и социально значимого, прогрессивного мирового явления. В результате подобных процессов был сформирован вывод о том, что применение современных технологий в физкультуре и спорте не представляется возможным без непосредственного вторжения властных структур страны в область оценки безопасности, качества спортивных объектов. Тем самым, в европейских и в других современных странах была создана система национальной сертификации разнообразных спортивных объектов.

Анализ законодательства европейских государств в сфере сертификации объектов спортивной области позволяет констатировать, что на современном этапе сформирована пара ведущих моделей государственного участия в регламентации вопросов соответствия подобных благ национальным стандартам безопасности и качества. Ряд современных государств поддерживает признанную схему вторжения в подобный процесс, отличающийся значительной активностью (Франция, Италия, Испания и др.). В силу подобных традиций, спортивная сфера жизнедеятельности, обладая особым социальным назначением для национальной идентичности, в ряде стран призвана выступать в качестве основы формирования фундамента ведущих критериев организации цивилизованного спортивного движения⁶³.

Анализ зарубежных источников позволяет констатировать, что в качестве непосредственного примера наиболее активного использования подобной модели консолидации государства со спортивным движением необходимо признать опыт Франции. Необходимо признать, что нормативная регламентация организации национального движения в сфере спорта в данном государстве имеет достаточно длительную историческую традицию. Финансирование спортивных организаций со стороны государства, практикуемое с начала 1970-х гг. в данном государстве, осуществляется согласно договорам, заключаемым Министерством по делам молодежи и спорта, и определённой спортивной федерацией согласно принципу взаимной юридической ответственности. Достаточно значимая роль в решении актуальных вопросов спорта во Франции отведена Национальному олимпийскому комитету, являющемуся официальным представителем государства в международном олимпийском движении.

Общепризнанно, что во Франции вопросы сертификации спортивной области актуальны, начиная с 1939 года. В качестве первого нормативного источника в данной области признан французский Закон о знаке соответствия национальным стандартам NF, который с отдельными коррективами действует и в современной Франции. Согласно действующим нормативам, ответственность за осуществление сертификационной деятельности несёт Французская ассоциация в сфере стандартизации (AFNOR). В отношении организации данного процесса сертификация в спортивной сфере сформирована с учётом отраслевого принципа и постоянного сотрудничества с единой системой стандартизации – не только в отношении корреспондирования требованиям государственных стандартов, но и в отношении формирования и утверждения новых требований к безопасности и качеству спортивных объектов⁶⁴.

⁶³ Крылова Г.Д. Основы стандартизации, сертификации, метрологии: Учебник для вузов. – М.: Аудит, Юнити, 2008. – С.228.

⁶⁴ Осин А.А. Система сертификации Франции. – М., 2012. – С. 119.

Помимо Французской ассоциации по стандартизации (AFNOR), осуществление сертификационных процессов реализуется через конгломерат органов национального (государственного и отраслевого) уровня, к которым законодателем отнесены Французский центр внешней торговли (CNCE), Центр информации о нормах и технических регламентах (CINR) и Союз электротехников (UTE). Ассоциация по стандартизации формирует спектр полномочий испытательных центров и различных специализированных лабораторий, которые призваны осуществлять координацию взаимодействия государственных органов по сертифицированию объектов спорта с международными органами и нести юридическую ответственность за аккредитацию, присвоение и отмену знака соответствия NF, за иные процессы в данной важнейшей области. На Французский Центр информации о нормах и технических регламентах (CNCE) возложена юридическая ответственность за сертификацию объектов, включая спортивные товары, подлежащие экспорту и импорту. Данный орган занимается вопросами информационного обеспечения по государственной системе сертификации, реализацией мер по формированию и корректированию банка данных о стандартах, по осуществлению процедур, правил сертификации, по аккредитации, взаимодействию с различными международными и региональными организациями по сертификации в различных областях. Полномочия Союза электротехников (UTE) заключаются в создании необходимых нормативных притязаний в отношении сертификации электронной и электротехнической продукции, применяемой, в частности, в сфере производства отдельных объектов спорта. Данный орган не только выступает в качестве уполномоченного AFNOR отраслевого органа по национальной сертификации, но и признан авторитетной французской организацией по стандартизации объектов электроники, электротехники, используемых, в частности, при производстве многочисленных спортивных объектов – тренажеров, спортивных транспортных объектов и пр. В современной Франции оценка соответствия спортивных товаров национальным стандартам по безопасности и качеству существует в нескольких формах: подтверждение соответствия европейским регламентациям в сфере стандартов; заявление-декларация производителя о соответствии объекта европейскому стандарту; сертификация на добровольной основе в отношении соответствия государственным нормативам стандартизации Франции; контроль безопасности спортивных товаров, находящихся в процессе купли-продажи⁶⁵.

Необходимо отметить, что обязательное соответствие регламентированным Евросоюзом директивам констатируется сертификацией со стороны третьих лиц и показателем CE, что по распространённости во Франции составляет около 20 % производящейся спортивной продукции. Форма стандартизации –

⁶⁵ Сафронова Т.П. Сертификация продукции: Курс лекций. – Абакан, 2015. – С. 111.

заявление-декларация изготовителя, который обладает правом осуществлять маркировку товара показателем CE, предусматривает, что безопасность и качество товара соответствует определённому европейскому стандарту. На государство возложено осуществление инспекционного контроля за подобным товаром, включая стадию выявления существенных недостатков, наличие которых может послужить лишению права подобной маркировки. В случае когда спортивная продукция производится во Франции в соответствии с требованиями другого норматива, то она должна быть сертифицирована третьей стороной.

На Французскую ассоциацию по стандартизации (AFNOR) возложена также добровольная сертификация соответствия спортивных товаров французским стандартам, которая обеспечивает престиж продукции, однако применяет наиболее строгую схему оценки. Товар, сертифицированный подобным образом, подлежит маркировке знаком соответствия французским стандартам – NF. При этом, как демонстрирует статистика, добровольная сертификация во Франции применяется более активно в сравнении с обязательной сертификацией (25 % и 75 % соответственно). В отличие от обязательного подтверждения корреспондирования спортивной продукции директивам ЕС, при добровольной сертификации существует обязанность по доказыванию соответствия товара всему конгломерату притязаний французских стандартов, включая требования относительно безопасности. Для наибольшей доступности для заявителей AFNOR учрежден конгломерат государственных органов, обладающих правом по сертификации соответствия NF, который (вместо AFNOR) осуществляет полномочия по сертифицированию (управление, испытание, контроль). Государственный контроль в отношении безопасности спортивных товаров, которые находятся в продаже, осуществляется во Франции также инспекторами Министерства экономики в результате постоянных испытаний соответствия качества определённых моделей спортивных объектов (CE и NF)⁶⁶.

Представляется важным отметить: правом использования знака соответствия NF изготовитель обладает в соответствии с контрактом и лицензией исключительно в случае, когда в подобной сертификации заинтересована существенная часть производителей данного спортивного товара. При этом по каждому из видов товаров AFNOR призвана формировать утверждение соответствующего акта в виде постановления, которое должно содержать, в частности, информацию о правилах использования данного знака соответствия, о разновидностях обязательного контроля и субъектах, реализующих данные мероприятия, об ответственности и правилах апелляций.

⁶⁶ Караченко Л.С., Самойленко А.А. Стандартизация и сертификация товаров и услуг. – Киев, 2015. – С.11.

Помимо AFNOR, добровольную сертификацию спортивных объектов осуществляет государственная система испытательных лабораторий (RNE), финансирование которой возложено на французское государство. Период аккредитации не может превышать трех лет, первичное испытание назначается, по общему правилу, по истечении года. В Национальную сеть испытательных лабораторий входит конгломерат авторитетных испытательных центров: Национальная лаборатория по испытаниям (LNE); Центральная электротехническая лаборатория (LCIE), представляющая собой банк данных общепризнанных мер и иных критериев соответствия на подобные материальные блага, применяемых, в частности, при изготовлении спортивных объектов. Признание полномочий лабораторий в рамках поверки качества и критериев безопасности измерительных приборов осуществляет Французское государственное бюро по вопросам метрологии (BNM).

Франция, таким образом, относится к группе европейских государств, в которых традиционно применяется интервенционистская модель управления в сфере спорта, что находит яркое проявление в особом государственном внимании к данным вопросам, что нашло явное отражение в Конституции Франции, в Спортивном кодексе Франции. Опонирующая модель соотношения властных структур страны и национального движения констатирована в таких европейских государствах, как Австрия, Бельгия, Дания, Финляндия, Германия, Швейцария и Великобритания. Эти государства Европы выделяются тем, что в них существует признание более расширенной автономии сферы спорта⁶⁷, включая сферу специального законодательного регулирования в отношении стандартизации и сертификации спортивных объектов. Регулирование деятельности субъектов спортивного движения осуществляется на основе нормативов организаций спорта, как межнациональных, так и национальных. Эта модель находит отражение в существовании некоего компромисса между государством и субъектами спортивной сферы, способствуя признанию достаточной меры свободы в деятельности спортивных ассоциаций и организаций в формировании вектора спортивного движения.

В Германии 1917 год был признан годом создания первого государственного органа – Комитета нормалей для общего машиностроения, основной целью которого признано формирование единых национальных стандартов безопасности и качества товаров.

⁶⁷ См.: Понкина А.И. Автономность спорта: Теоретико-правовое исследование / Комис. по спорт. праву Ассоц. юристов России; Нац. объединение спорт. юристов РФ. – М., 2013. – 102 с. (Серия: «Актуальные проблемы спортивного права». Вып. 17). Понкина А.И. Государственное управление и автономная институализация в области спорта / Комис. по спорт. праву Ассоц. юристов России; Нац. объединение спорт. юристов РФ. – М., 2013. – 143 с. (Серия: «Актуальные проблемы спортивного права». Вып. 19).

Данный факт констатирован началом формирования в Германии единой государственной конструкции стандартизации и сертификации, которая в дальнейшем стала активно применяться в отношении спортивных объектов. В дальнейшем в процессе генезиса общественных отношений, увеличения числа объектов, подлежащих оценке соответствия, деятельность Комитета нормативной эволюционировала, происходило увеличение конгломерата его полномочий, в связи с чем, данный орган дважды – в 1926 г. и в 1975 г. – переименовывался соответственно в Германский комитет стандартов и в Немецкий институт стандартизации (DIN)⁶⁸.

Правовой основой общенациональной системы сертификации, применяемой, в частности, в сфере спорта современной Германии, выступает совокупность законодательных актов об охране жизни и здоровья, о защите интересов потребителей, о защите природной среды, о секьюрности труда, ряд других источников. С 1990 года в Германии обладает юридической силой и активно применяется национальный нормативный документ, регулирующий вопросы юридической ответственности за производство некачественных товаров, который корреспондирует нормативам государств-участников Евросоюза и выступает в качестве правовой основы сертификации в рамках единого немецкого рынка, включая сертификацию спортивных объектов. Представляется важным отметить: по сведениям Германского информационного центра (ГАТТ/ВТО), в немецкую схему государственной сертификации входит ряд систем: А – концепция регламентационного соответствия сертифицируемых объектов; А1 – сертифицированная концепция корреляции критериям стандартизации DIN; А2 – сертифицированная концепция соответствия критериям стандартизации VDE; А3 – концепция сертификации критериям DVGW; В – концепция сертификации Германского института гарантии качества и маркировки RAL; С – сертифицированная концепция корреляции критериям стандартизации на знак GS промышленной технологии; D – концепция надзора за соответствием технических конструкций строительного предназначения установленным национальным нормативам; Е – концепция сертификации средств измерений и эталонов; F – концепция сертификации соответствия разделу 24 Германского промышленного законодательства⁶⁹.

⁶⁸ Сергеев А.Г., Латышев М.В. Сертификация. – М.: Логос, 2015. – С. 414. Магдалинина С.П. и др. Сертификация и стандартизация материалов и изделий. – Шахты: Изд-во ГОУ ВПО «ЮРГУЭС», 2008. – 454 с. Магдалинина С.П., Прохоров В.Т. (ред.) Теория и практика экспертизы и сертификации материалов и изделий. Книга 2. – Шахты: Изд-во ГОУ ВПО «ЮРГУЭС», 2008. – 621 с.

⁶⁹ Каюров С.А. Сертификация в зарубежных странах // <<http://www.rostest.ru/company>>.

Практическая работа сертифицирования в Германии осуществляется Обществом по сертификации систем качества (DQS), сформированным введением в юридическую силу стандартов ИСО серии 9000. В полномочия данной некоммерческой организации входит полномочие по оценке качества, по формированию сертификатов и лицензий на использование стандартизационного знака, по аккредитации организаций на право осуществления сертификации качества от имени DQS, по обучению инспекторов и полномочия, связанные с представлением государства в международных организациях. В составе Общества по сертификации систем качества (DQS) аккредитованы коммерческие организации, обладающие полномочиями по сертификации систем качества, к которым относятся, в частности, немецкие общества по техническому надзору TUV, осуществляющие активную деятельность в данной сфере в различных землях Германии. Помимо DQS, с 1989 г. деятельность, связанная с сертификацией систем качества, реализуется TUV CERT – организацией, имеющей официальную регистрацию на европейском уровне, деятельность которой основана на стандартах ИСО серии 9000⁷⁰.

Таким образом, анализ законодательства отдельных европейских государств в сфере сертификации спортивных объектов позволяет констатировать, что в государствах Европы на современном этапе сформированы две основные схемы участия государства в правовом регулировании национального сегмента спорта.

Значимость результативности нормативного регулирования в сфере сертификации спорта невозможно переоценить. Стратегическая роль нормативной регламентации в данной сфере проявляется не только в том, что спорт – особая соревновательная деятельность индивидов, целью которой выступает достижение высоких результатов в определенных видах спорта, спорт – особое средство удовлетворения зрелищных притязаний граждан. Кроме того, на данном этапе общественного генезиса спорт занимает приоритетное место среди иных институций, по сравнению с другими периодами исторического развития, в связи с тем, что спорт – важнейший аспект для международного сотрудничества, а также – особая сфера, требующая внимания со стороны государства в связи с необходимостью обеспечения безопасности, как спортсменов, так и широкого круга иных индивидов (тренеров, зрителей, обслуживающего персонала и пр.).

Содержание сертификации в спортивной сфере заключается в документальном подтверждении меры соответствия спортивной продукции либо других спортивных объектов, процессов проектирования (включая изыскания), производства, строительства, монтажа, наладки, эксплуатации, хранения, перевозки, реализации и утилизации, выполнения работ или оказания услуг в данной сфере установленным государством требованиям. Автор в процессе исследования убедился,

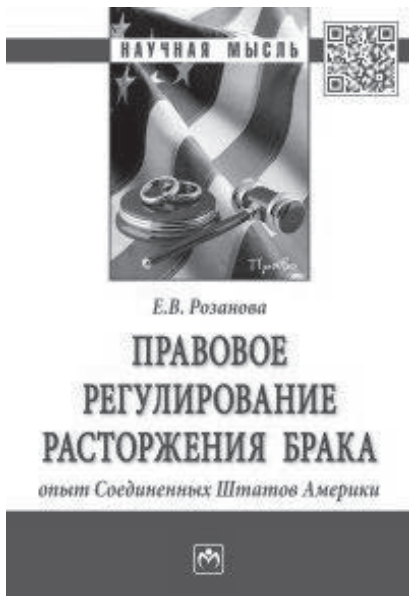
⁷⁰ Сафронова Т.П. Сертификация продукции: Курс лекций. – Абакан, 2015. – С. 77.

что правовая категория «сертификация» впервые определена Комитетом по вопросам стандартизации (СЕРТИКО) международной организации по стандартизации ИСО и включена в Руководство № 2 ИСО (ИСО/МЭК2) версии 1982 года⁷¹. В соответствии с данным документом, сертификация понимается в качестве действия, подтверждающего (при помощи сертификата соответствия или знака соответствия), что объект (изделие, услуга) соответствует регламентированным стандартам либо иным нормативам. В современном обществе сертификация – особое действие третьей стороны, подтверждающее гарантию в том, что необходимым образом идентифицированный объект (продукция, процесс или услуга) обладает определёнными и утверждёнными в установленном порядке критериями стандарта либо иного юридического документа. В отдельных государствах, включая, в частности, Российскую Федерацию, Францию, вопросы сертификации объектов спортивной сферы находится под пристальным вниманием государства в лице определённых органов, которые контролируют большинство актуальных вопросов в данной особой сфере.

* * * * *

⁷¹ Руководство № 2 ИСО от 1982 года «Общие термины и их определения в области стандартизации, сертификации и аккредитации испытательных лабораторий» // СПС «Консультант Плюс».

Аристов Е.В. Развод в праве США ⁷²
Рецензия на научную монографию Е.В. Розановой
«Правовое регулирование расторжения брака: опыт
Соединенных Штатов Америки» (М.: ИНФРА-М, 2019)⁷³

Увидевшая свет осенью 2019 года (датированная годом 2020-м) научная монография кандидата юридических наук Розановой Елизаветы Владимировны представляет собой комплексное исследование (в рамках науки семейного права) горизонта проблем правового регулирования расторжения брака в Соединенных Штатах Америки. Рассмотрены и объяснены теоретические и законодательные основы правового регулирования расторжения брака в США и некоторых иных зарубежных государствах.

Уверены, что это издание вызовет особый и неподдельный интерес. Вызовет, конечно же, тем, что охватывает колоссальный объем вопросов, аспектов,

⁷² **Аристов Евгений Вячеславович** – доктор юридических наук, профессор кафедры предпринимательского права, гражданского и арбитражного процесса Пермского государственного национального исследовательского университета, доцент.

Материал представляет собой рецензию на научное издание: *Розанова Е.В. Правовое регулирование расторжения брака: опыт Соединённых Штатов Америки.* – М.: ИНФРА-М, 2020. – 212 с.

Ключевые слова: семейное право, семья, законодательство США, расторжение брака, превенция разводов.

Aristov E. V. Divorce in US Law.

The material is a review of the scientific publication: *Rozanova E. V. The legal regulation of divorce: the experience of the United States of America.* – М.: INFRA-M, 2020. – 212 p.

Keywords: family law, family, US law, divorce, divorce prevention.

⁷³ *Розанова Е.В. Правовое регулирование расторжения брака: опыт Соединённых Штатов Америки.* – М.: ИНФРА-М, 2020. – 212 с. – (Научная мысль). – DOI 10.12737/1039435.

Изображение обложки научной монографии Е.В. Розановой цитируется по: <<http://znanium.com/catalog/product/1039435>>; <<http://znanium.com/images/1039/1039435.jpg>>.

законодательных подходов и моделей регулирования.

В издании подробно изложены основные тенденции развития правовых интерпретаций оснований, условий и последствий расторжения брака в США. Обозначены источники семейного права в США, содержащие нормы, направленные на регламентацию расторжения брака, общие принципы развития правовой регламентации оснований расторжения брака, процедур развода, а также мер, способствующих укреплению семьи или снижающих негативные последствия развода.

Помимо Введения, Заключения и списка литературы, монография включает три главы.

Глава 1 «Теоретические основы правового регулирования расторжения брака в США» включает два параграфа и раскрывает представленные в научной литературе научно-правовые концепции объяснения сути, природы и онтологии института расторжения брака (§ 1.1), а также описывает историю развития законодательства США о расторжении брака (§ 1.2).

Глава 2 «Законодательные основы расторжения брака в США и некоторых иных зарубежных государствах» содержит три параграфа. Описаны и объяснены основы и особенности правового регулирования расторжения брака в США (§ 2.1). Представлено сравнительно-правовое сопоставление особенностей правового регулирования расторжения брака в США (§ 2.2), а далее приводится обзорное описание нормативного и правоприменительного опыта 13 других зарубежных государств – Австралии, Австрии, Болгарии, Ирландии, Испании, Канады, Китая, Норвегии, Польши, Северной Кореи (КНДР), Филиппин, Швейцарии, Южной Кореи – в регулировании расторжения брака (§ 2.3).

Глава 3 «Тенденции развития правовых интерпретаций оснований, условий и последствий расторжения брака в США» содержит два параграфа. Представлен масштабный анализ судебных интерпретаций правовых норм, регламентирующих расторжение брака (§ 3.1). Особый интерес представляет § 3.2 «Исследование особых порядков расторжения брака в США» монографии Е.В. Розановой, где впервые доступно, но одновременно на очень серьёзном научном уровне и очень подробно описана модель ковенантного брака (дана авторская дефиниция) в таких штатах, как Луизиана и Арканзас, с другой стороны, подробно описана упрощённая процедура расторжения брака в таких штатах, как Орегон, Небраска, Северная Дакота, Теннесси, Калифорния, Иллинойс, Невада, Айова, Миннесота, Флорида.

Научная монография Е.В. Розановой – это первое столь масштабное исследование данной темы (регулирование разводов в США) за последние 32 (!) года в отечественной науке⁷⁴ и наилучшее (самое концептуально-глубокое и самое грандиозное) из современных

⁷⁴ Предыдущее сопоставимое по теме исследование: *Яковлева Е.Г.* Расторжение брака в США: Автореф. дис. канд. юридич. наук: 12.00.03. – М., 1987. – 22 с.

отечественных исследований зарубежного опыта правового регулирования расторжения брака.

Нормативную и эмпирическую и иную источниковедческую основу исследования Е.В. Розановой составили:

– законодательные акты и документы всех штатов США, из них детализировано – 30 штатов США (то есть существенно больше половины от общего числа штатов в этом государстве);

– около 1000 решений судебных органов США по различным вопросам, связанным с расторжением брака. Из этого числа отобрано и детально проанализировано 43 судебных решения судебных органов США (за последние 3 века, а самое раннее судебное решение, затрагиваемое в исследовании, датировано 1815 годом);

– множество иных документов правоприменительной практики органов государственной власти США;

– обширный объём научных трудов отечественных и зарубежных авторов по теме исследования и сопряженным с нею темам.

Всё это, разумеется, обеспечило референтность эмпирической выборки и должную (и сверх того) масштабность источниковой основы, как следствие – не могло не предопределить высокий научный уровень данного исследования Е.В. Розановой, характеризующегося образцовой применённостью научной методологии, образцовым научным дизайном и энциклопедичностью.

Любая рецензия, как повелось, должна включать не только похвалы (это если есть для того основания), но и критические оценки. Последуем этому правилу и мы.

Исследованию Е.В. Розановой несколько недостаёт привлечения (в цитатах или в реферативных обзорах) научных точек зрения на исследуемый предмет, ранее звучавших в отечественных научных работах. Нельзя сказать, что автор совершенно забыла о них, напротив, представлен наиболее полный обзор всей литературы, публиковавшейся ранее и затрагивающей тему разводов и, конкретно, разводов в США.

Книга Е.В. Розановой не только ценна сама по себе, но и вносит более чем достойный вклад в репрезентацию российской науки семейного права на мировом уровне, будучи как раз из числа тех книг, которыми можно обоснованно хвастать за рубежом, которые можно представлять в качестве образцов лучшей отечественной научной семейно-правовой мысли.

* * * * *

Соловьёв А.А. Права умирающих и безнадежно больных⁷⁵

Рецензия на научную монографию А.А. Понкиной и И.В. Понкина «Правовое регулирование паллиативной медицинской помощи» (М., ГЭОТАР-Медиа, 2019)⁷⁶

Издательство «ГЭОТАР» летом 2019 года выпустило очередное издание за авторством доктора юридических наук, профессора И.В. Понкина Игоря Владиславовича и кандидата юридических наук Понкиной Александры Александровны (нашей ученицы – диссертанта), крупнейших российских специалистов по медицинскому и фармацевтическому праву, биоэтике и медицинской деонтологии.

Книга эта посвящена теме правового регулирования паллиативной медицинской помощи – теме, столь же наипривлекательнейшей, сколь редчайшей в России, если говорить о монографических изданиях.

⁷⁵ **Соловьёв Андрей Александрович** – доктор юридических наук, профессор Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА). Настоящий материал представляет собой научную рецензию на научную монографию А.А. Понкиной и И.В. Понкина «Правовое регулирование паллиативной медицинской помощи» (М.: ГЭОТАР-Медиа, 2019).

Ключевые слова: паллиативная медицинская помощь, incurable patients, death, health, medical law, constitutional law.

Solov'yev A.A. Rights of dying and incurable patients: Review on the book of A.A. Ponkina and I.V. Ponkin «Legal regulation of palliative care» (Moscow, GEOTAR-Media, 2019).

This material is a scientific review on the book of A.A. Ponkina and I.V. Ponkin «Legal regulation of palliative care» (Moscow, GEOTAR-Media, 2019).

Keywords: palliative medical care, incurable patients, death, health, medical law, constitutional law.

⁷⁶ **Понкин И.В., Понкина А.А.** Правовое регулирование паллиативной медицинской помощи. – М.: ГЭОТАР-Медиа, 2019. – 176 с. ISBN 978-5-9704-5253-0. DOI: 10.33029/9704-5253-0-PRP-2019-1-176

Названная тема охватывает онтологию страшных страданий от непереносимой боли, скорби от потери ушедшего в мир иной близкого человека, умирания, отчаяния и бессилия потерявших себя от горя и слёз родителей умирающего на их руках ребёнка, сопереживания человеку, который гарантированно умрёт в течение ближайших 2–3 месяцев и помочь которому совершенно ничем невозможно.

Тема жизни и смерти – одна из наиболее сложных (да и неоднозначных) тем в науке, одна из наиболее спорных, недостаточно осмысленных. И браться за эту тему – крайне опасная затея даже для самого искущённого в своей аргументации и самого осторожного в своих словах автора.

По этой теме – регулирования паллиативной медицинской помощи – до сих пор в России вышла лишь одна книга – и тоже этих авторов⁷⁷.

Исключительно прискорбно, что одни только эти авторы (на всю-то страну!) пишут об этой более чем актуальной и востребованной теме. Не факт, что кто-то написал бы лучше них, но двух авторов для такой социально важной и востребованной темы совсем недостаточно.

Так что российский читатель, имеющий в доступе немало хороших научно-медицинских изданий по теме паллиативной помощи, юридической литературой на этот счёт совсем не избалован.

Авторы представляют объяснение понятия и правовой природы паллиативной медицинской помощи, содержания, структуры и гарантий прав больных и членов их семей на паллиативную медицинскую помощь, прежде всего права на купирование или облегчение боли и связанных с её претерпеванием страданий, показывают источники и особенности регулирования оказания данного вида помощи в России, в зарубежных государствах, а также на международном уровне. Именно этому посвящена данная книга.

Книга презентуется предисловием, подготовленным Д.А. Морозовым, доктором медицинских наук, профессором, председателем соответствующего тематике книги комитета Госдумы, в немалой степени задавая тон прочтению этой выдающейся книги.

Далее, как можно ожидать, следует Введение.

Первая глава посвящена осмыслению, обобщающему описанию и объяснению понятия боли. Раздел о юридической интерпретации понятия «боль», надо признать, совершенно уникален и весьма ценен – как с теоретической, так и с прикладной точки зрения. Детально описаны и объяснены содержание и онтология права на купирование или облегчение боли и связанных с её претерпеванием страданий. Авторы останавливаются на таком важном содержательном моменте, как возраст, с которого человеческое существо способно ощущать и

⁷⁷ Понкин И.В., Понкина А.А. Паллиативная медицинская помощь: Понятие и правовые основы. – М.: Изд. ред. журнала «ГлавВрач», 2014. – 75 с. (Приложение к журналу «ГлавВрач» № 1/2014).

переживать боль. Рассмотрен ребёнок на пренатальной стадии как субъект претерпевания боли.

Вторая глава посвящена осмыслению, обобщающему описанию и объяснению понятия, содержания и природы паллиативной медицинской помощи, в том числе как оппозиции и исключительной (биоэтически оправданной и обоснованной) альтернативы в отношении эвтаназии. Детально описаны и объяснены содержание и онтология права на получение паллиативной медицинской помощи, в том числе права пациента на его посещение священнослужителем (религиозным служителем) в структуре права на паллиативную медицинскую помощь, особенности организации и оказания паллиативной медицинской помощи родственникам пациента.

Третья глава посвящена осмыслению, обобщающему описанию и объяснению объёма и особенностей правового регулирования паллиативной медицинской помощи в Российской Федерации и в зарубежных государствах, а равно природы права на паллиативную медицинскую помощь и гарантий предоставления паллиативной медицинской помощи в свете правовых позиций зарубежных судебных инстанций. Исследованы международные акты о правах человека и документы международных организаций в части регулирования вопросов предоставления паллиативной медицинской помощи и гарантий её предоставления, а также (на тот же предмет) документы *lex biomedica*.

Четвёртая глава посвящена осмыслению, обобщающему описанию и объяснению особенностей организации и оказания педиатрической паллиативной помощи (паллиативной медицинской помощи детям). Объяснены понятие, особенности организации и оказания педиатрической паллиативной помощи, в том числе такой вопрос, как право на игрушку и игру как элемент права ребёнка на получение педиатрической паллиативной помощи. Описаны особенности правового регулирования и обеспечения педиатрической паллиативной помощи в Российской Федерации и в ряде зарубежных государств.

Пятая глава посвящена осмыслению, обобщающему описанию и объяснению особенностей организации и оказания паллиативной медицинской помощи лицам пожилого возраста (гериатрической паллиативной медицинской помощи).

Завершается издание, как это принято, разделом «Заключение».

На фундаментальном уровне осмысления, понимания, исследования и результирующего описания (подачи материала читателю) исследован большой массив вопросов и проблем, включая вышеуказанные. Формализованно и систематизированно представлена ценнейшая информация, и таковая ещё очень хорошо объяснена.

Авторы проделали замечательную работу по «дистилляции» массивов информации, источниковая база исследования более чем обширная и во многом уникальная.

Книга А.А. Понкиной и И.В. Понкина «Правовое регулирование паллиативной медицинской помощи» по своему содержанию – очень глубокая, тщательно продуманная, фундаментальная и при этом достаточно ясная для понимания.

Излишне говорить, что ничего подобного изложенному в этой книге материалу больше нигде на русском языке нет, это очевидно из уже сделанной выше фиксации факта, что это всего лишь второе в стране издание по названной теме, и второе издание этого труда всё тех же авторов.

Книга А.А. Понкиной и И.В. Понкина «Правовое регулирование паллиативной медицинской помощи» будет иметь большой резонанс в научной, экспертной и иной профессиональной среде, причём далеко не только среди правоведов, но более всего – среди медицинских и социальных работников хосписов, отделений паллиативной медицины, специалистов по боли, анестезиологов.

* * * * *

Кузнецов М.Н. О генезисе новой научной теории⁷⁸
Рецензия на учебник И.В. Понкина «Девиантология государственного управления» (М., ИНФРА-М, 2019)⁷⁹

Вышедший в свет в 2019 году учебник д.ю.н., профессора И.В. Понкина имеет дело с почти до сих пор нетронутой и удивительно малоизученной, мало понятой (и во многом непонятой) даже на день сегодняшний, предметно-объектной областью, описываемой простыми словами так: «Почему государство ведёт себя не так, как следует, в чём это проявляется, каковы последствия этого, как это можно оценивать?».

Говорят, когда-то Наполеон сказал в отношении одного генерала: «Да-да, я знаю, что он умён. Но везучий ли он?!»⁸⁰.

Мой ученик, ныне доктор юридических наук и профессор, Игорь Владиславович Понкин – удивительно везучий на предикативную фиксацию («схватывание») самых

⁷⁸ Кузнецов Михаил Николаевич – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского права и процесса и международного частного права Юридического института Российского университета дружбы народов, почётный работник высшего профессионального образования РФ.

Материал представляет собой рецензию на учебник: Понкин И.В. Девиантология государственного управления: Учебник. – М.: ИНФРА-М, 2019. – 301 с.

Ключевые слова: дефектология и девиантология государственного управления, государственное управление, административное право, теория государственного управления, дефекты правового регулирования.

Kuznetsov M.N. On the Genesis of a New Scientific Theory.

The material is a review of the textbook: Ponkin I.V. Deviantology of Public Administration: A Textbook. – М.: INFRA-M, 2019. – 301 p.

Keywords: defectology and deviantology of public administration, public administration, administrative law, theory of public administration, defects of legal regulation.

⁷⁹ Понкин И.В. Девиантология государственного управления: Учебник. – М.: ИНФРА-М, 2019. – 301 с. – (Высшее образование: Магистратура). ISBN: 978-5-16-014740-6; ISBN-online: 978-5-16-107245-5.

⁸⁰ Цит. по: Guns Of Navarone, The (1961). Movie Script.

актуальных тем, которые (а таких немало, надо сказать) он начинает разрабатывать ещё задолго до того, как они станут на острие актуальности и станут актуальным трендом, каким-то неизвестным, парадоксальным образом предвидя это.

Созданная и развиваемая И.В. Понкиным авторская научная теория, позволяющая вскрыть, описывающая и объясняющая, моделирующая и замеряющая недостатки (дефекты, ошибки (просчёты), дисбалансы, безрезультативность) государственного управления и его нормативно-правового обеспечения, онтологию и динамику таковых, причины и последствия, крайне востребована сегодня. Эта теория формируется им два десятка лет, на первом (самом длительном) этапе И.В. Понкин подбирал и осмысливал в бесчисленном количестве исходную эмпирику (опыт, реальность, подвергаемую осмыслению), занимался моделированием, проверкой своих научных гипотез⁸¹, и лишь

⁸¹ В их числе: *Понкин И.В.* Зарубежные законы и документы о формировании и защите общественной нравственности и нравственности несовершеннолетних. – М., 2008. – 246 с. *Понкин И.В., Юрьев Е.Л., Архангельский В.Н., Елизаров В.В., Рыбаковский Л.Л. и др.* Проект Национальной программы демографического развития России (22.12.2006) / Общественная палата РФ; Общественный совет ЦФО. – М., 2006. – 65 с. *Понкин И.В., Юрьев Е.Л., Абзалова Л.Ф., Рязанцев С.В., Ульянов А.С.* Программа первоочередных мер государственной иммиграционной политики / Приложение к Проекту Национальной программы демографического развития России (22.12.2006). – М., 2006. – 21 с. *Понкин И.В., Юрьев Е.Л., Архангельский В.Н., Елизаров В.В., Иванова А.Е., Рыбаковский Л.Л., Ульянов А.С., Коровина Ю.В. и др.* Проект Национальной программы демографического развития России (2007, февраль) / Общественная Палата РФ; Общественный совет ЦФО. – М., 2007. – 111 с. *Понкин И.В., Юрьев Е.Л., Елизаров В.Г., Ульянов А.С., и др.* Программа первоочередных мер государственной политики по сокращению количества производимых в России аборт (25.05.2007) / Общественная Палата РФ; Общественный совет ЦФО. – М., 2007. *Понкин И.В., Юрьев Е.Л., Герасименко Н.Ф., Кортаев А.В., Ульянов А.С., Халтурина Д.А. и др.* Программа первоочередных мер государственной политики субъекта Российской Федерации в сфере производства, оборота и потребления алкоголя. Проект (2007, сентябрь) / Общественный совет ЦФО. – М., 2007. – 35 с. *Понкин И.В., Юрьев Е.Л., Абраменкова В.В., Соловьев А.Ю., Халтурина Д.А. и др.* Концепция государственной политики формирования и защиты нравственности детей в Российской Федерации (27.03.2008) / Общественный совет ЦФО; Комитет Государственной Думы по вопросам семьи, женщин и детей; Комиссия Общественной палаты РФ по социальной и демографической политике. – М., 2008. – В 2 т. – Т. 1 Концепция. – 40 с.; Т. 2. Приложения к Концепции. – 110 с. *Понкин И.В., Кузнецов М.Н. и др.* Гражданско-правовая и уголовно-правовая охрана нравственности. – М., 2008. – 446 с. *Понкин И.В., Кузнецов М.Н. и др.* О создании конвейера «людей примитивного полуевропейского типа». Ход и результаты обсуждения проекта федерального государственного образовательного стандарта начального общего образования. – М., 2009. – 232 с. Гражданско-правовая, конституционно-правовая и уголовно-правовая охрана нравственности: Сб. – М., 2009. – 704 с. Право против ксеноморфов в области общественной нравственности: Методология противодействия: Сб. – М., 2007. – 454 с. О дилеммах многочисленных преступлениях редакции «Телеканал “2x2” Москва»: Сб. – М., 2008. – 118 с. Нравственные императивы в праве, образовании, культуре и науке: гражданско-правовые и конституционно-правовые аспекты: Сб. – М., 2010. – 729 с.

в последние пять-шесть лет он публикует изложение собственно теории девиантологии государственного управления⁸².

Его теория – это очень оригинальный (но при этом фундаментально релевантный) проект, замечательный тем, что чисто инструментален. Эта теория изначально избавлена от загромождений примерами, сентенциями, политическими партийными прокламациями, представляет «чистое знание», «знание в сухом остатке».

В нашем несовершенном мире добросовестному и ищущему знаний исследователю есть очень много точек и пространств приложения своего научного энтузиазма.

Между теми, кто считает, что всё вокруг тотально и фатально совершенно плохо, и теми, кто считает, что всё вокруг совершенно замечательно (волшебная демократия, всеобщее благо только в силу прокламаций), имеет место «пространство», в котором находятся те, кто сосредоточился на изучении конкретных фактов, событий, феноменов, процессов.

И порою, чтобы что-то качественно раскритиковать или, напротив, качественно поддержать, нужно знать фундаментальные слои онтологии этого чего-то. И.В. Понкин даёт замечательную измерительно-оценочную систему, позволяющую понять очень многое, даже из того, то сокрыто от нас под соображениями «для служебного пользования», «оставим это за кадром» и т.д.

⁸² Понкин И.В. Теория девиантологии государственного управления: Неопределённости, риски, дефекты, дисфункции и провалы в государственном управлении / ИГСУ РАНХиГС при Президенте РФ / Предисл. А.Б. Зеленцова. – М.: Буки Веди, 2016. – 250 с. Понкин И.В. Теория публичного управления: Учебник для магистратуры и программ Master of Public Administration / Предисл. А.Б. Зеленцова / ИГСУ РАНХиГС при Президенте РФ. – М.: Буки Веди, 2017. – 728 с. Понкин И.В. Девиантология государственного управления: Учебник. – М.: ИНФРА-М, 2019. – 301 с. Понкин И.В. Теория государственного управления: Учебник / Предисл. А.Б. Зеленцова. – М.: ИНФРА-М, 2019. – 529 с. Понкин И.В. Дисфункциональное государство и дисфункциональное государственное управление // Право и образование. – 2015. – № 3. – С. 17–28. Понкин И.В. Технологии «мягкой силы» как средство дисфункционализации и разрушения государства // Право и образование. – 2014. – № 12. – С. 95–111. Понкин И.В. Несостоятельное государство и несостоятельность государственного управления // Право и образование. – 2015. – № 9. – С. 118–131. Понкин И.В. Дефекты нормативного правового регулирования // Право и образование. – 2016. – № 7. – С. 4–15. Понкин И.В., Габния В.В. О концепте ненадлежащего государственного управления «bad governance» // Право и образование. – 2018. – № 12. – С. 4–12. Понкин И.В. Теория государственного управления: государство-дистопия // Административное право и процесс. – 2015. – № 4. – С. 11–14. Понкин И.В. О значении теории девиантологии государственного управления // Юрист вуза. – 2016. – № 1. – С. 37–44. Понкин И.В. Дисфункциональное государство и несостоятельное государство // Государственная служба. – 2013. – № 6. – С. 64–67. Понкин И.В. К вопросу о понятии и видах правовых коллизий // Юридическая техника: Ежегодник. Вып. 11: «Коллизии законодательных, интерпретационных, правоприменительных актов: доктрина, практика, техника преодоления». – Нижний Новгород, 2017. – 799 с. – С. 280–282. Понкин И.В. Аномия и дисномия в государстве: к вопросу о рисках // Юридическая техника. – 2019. – № 13. – С. 304–306.

Учебник И.В.Понкина проливает свет на огромное число проблем, вопросов, превращает множество неопределённостей в теоретически объяснённые и пояснённые вопросы, концептуализируя и, более глубоко, теоретизируя таковые. Ретроспективно и предикативно, концептуально и доктринально, рационально глубокий взгляд на очень многие вещи делает это издание уникальным.

Убедительный анализ, колоссальный источниковый базис, широта и глубина аналитики, высочайший профессионализм, нетривиальность подходов, высокая смелость в опровержении заскоружных идеологически мотивированных клише.

Являя собой мощное теоретическое дополнение к существующей научной и образовательно-методической литературе о государстве, государственной власти и государственном управлении, достраивая этот пласт литературы (в какой бы авторской концепции такие издания ни выходили), учебник И.В.Понкина сочетает в себе увлекательное изложение интереснейших аспектов и проблем с пристальным, скрупулёзным вниманием к научным методам и чёткую, строжайше выстроенную теоретическую аргументацию.

Примечателен стиль научного изложения И.В.Понкина. Его учебник, если сравнивать с продуктами ювелирной техники, можно сравнить с лучшими образцами скани (комплекс приёмов ювелирной техники, реализующей ажурные или напаянные на металлическую основу сложные узоры из гладкой или свитой в верёвочки проволоки⁸³), настолько филигранно сработаны аргументация и выстраивание научного материала, настолько этот учебник богато документирован, насыщен разнообразием и многообразием источников – нормативных и судебных актов, правовых документов, научных источников, фактажа.

В силу этого выявляется один недочёт этого издания: читать его весьма непросто, нужны недюжинные усилия и над собой и для поиска словарей, дабы уточнить понимание сложноонтологических материй, излагаемых или упоминаемых в названном учебнике. Но тут уж каждый выбирает пищу для ума по своим способностям и интересам. Убеждены, многие профессионалы нуждаются именно в такого вот рода сложно-онтологичной аналитической литературе.

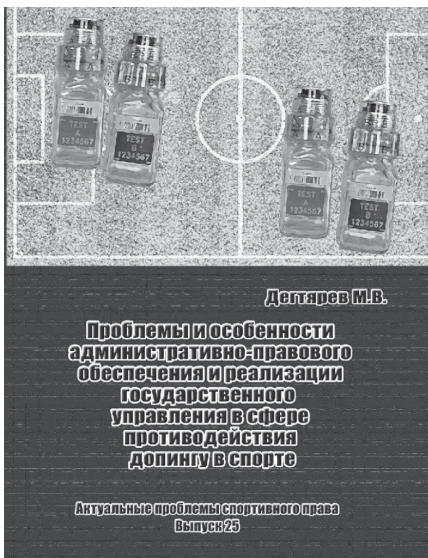
Вывод один – учебник И.В.Понкина по теории девиантологии государственного управления рекомендуется к прочтению. На это издание, вне всякого сомнения, ещё долгие годы в России и за рубежом будет повышенный спрос, поскольку такого рода вещи быстро становятся классикой и никогда не стареют.

⁸³ Сканы // Иллюстрированный энциклопедический историко-бытовой словарь русского народа. XVIII – начало XIX в. / Под ред. Н. Ерёмной. – М.: Эксмо, 2007. – 784 с. – С. 622.

Богатырев А.Г. Административное право в борьбе против спортивного допинга⁸⁴

Рецензия на книгу М.В. Дегтярева «Проблемы и особенности административно-правового обеспечения и реализации государственного управления в сфере противодействия допингу в спорте» (М., 2019)⁸⁵

Вышедшая в 2019 году научная монография М.В. Дегтярева, посвящённая правоведческому исследованию, осмыслению и объяснению основ, инструментов и особенностей административно-правового регулирования и обеспечения антидопинговой политики государства, реализации государственного управления в сфере превенции и пресечения применения допинга в спорте, заслуживает самого пристального внимания.

Хотя бы уже потому, что в России это всего лишь второе правоведческое издание по этой теме (после книги А.Н. Пескова и О.А. Брусникиной⁸⁶), но это

⁸⁴ **Богатырев Александр Григорьевич** – доктор юридических наук, профессор.

Материал представляет собой научную рецензию на научное издание: *Дегтярев М.В.* Проблемы и особенности административно-правового обеспечения и реализации государственного управления в сфере противодействия допингу в спорте. – М., 2019. – 202 с.

Ключевые слова: административное право, спортивный допинг, спорт, спортивное право, нарушение допинговых правил.

Bogatyrev A.G. Administrative law against sports doping.

The material is a review of the publication: *Degtyarev M.V. Problems and features of administrative and legal support and implementation of public administration in the field of combating doping in sport.* – М.: Buki Vedi, 2019. – 202 p.

Keywords: administrative law, sports doping, sports, sports law, violation of doping rules.

⁸⁵ *Дегтярев М.В.* Проблемы и особенности административно-правового обеспечения и реализации государственного управления в сфере противодействия допингу в спорте / Под ред. И.В. Понкина / Комиссия по спортивному праву Ассоциации юристов России; Национальное объединение спортивных юристов Российской Федерации. – М.: Буки Веди, 2019. – 202 с. (Серия: «Актуальные проблемы спортивного права». Вып. 25). ISBN 978-5-4465-2462-4.

⁸⁶ *Песков А.Н., Брусникина О.А.* Проблемы борьбы с допингом в спорте / Ред. и вступ. слово: С.В. Алексеев. – М.: Проспект, 2016. – 128 с.

первое в стране именно административно-правовое исследование данной темы, выполненное на позициях административно-правовой науки. И это первое, в любом случае, столь фундаментальное научное исследование данного круга вопросов и проблем.

Тема давно заезжена, но так и не раскрыта должным образом. Сегодня публикуется громадное количество публицистики, даже порою с претензиями на научность, но всё это очень и очень слабо, не позволяет ни увидеть «фотографического снимка» существующего поля проблем, ни понять всю зарубежную «кухню» на этот счёт, ни увидеть и ни спроектировать необходимые тектонические сдвиги в этой сфере, позволяющие действительно справиться с проблемой.

Но именно наука должна представить фундаментальные исследования с ясными ответами на вопросы:

- Как именно и на чём должна быть выстроена надлежущая система (и система надлежущего) государственного управления в сфере превенции и пресечения применения допинговых средств?

- На каком парадигмальном фундаменте она должна быть выстроена?

- Приоритет каких именно инструментов должен закладываться в такую модифицируемую систему – уголовно-правовых, административно-правовых, трудо-правовых или дисциплинарных?

- Или же вообще государству следует уйти из этой сферы, отдав всё на откуп пресловутому рынку и под ответственность самих негосударственных субъектов спорта?

- Как выйти из замкнутого круга допинговых проблем и избыточной политизированности этой темы?

Государственная антидопинговая политика должна быть разумно-рациональная, взвешенная, конструктивная. У каждого государства на этом поприще есть свои проблемы и свои достижения.

При этом в опыте целого ряда зарубежных государств есть заслуживающие внимания подходы к административно-правовому обеспечению, организации и реализации антидопинговой политики.

Представляемая научная монография развернуто репрезентует и скрупулезно объясняет особенности такого опыта по полусотне государств, что сразу же превращает это издание в совершенно уникальный и востребованный ныне научный продукт.

Колоссальная нормативная и правоприменительная выборка обуславливает энциклопедическое значение этого издания.

Впечатляет масштабность охвата и глубины исследовательских проходов, что видно уже из одного только оглавления.

Научное издание авторства М.В. Дегтярева является уникальным для нашей страны, весьма ценным как с научно-теоретической, так и прикладной точки зрения.

Это издание представляет обширный и в очень глубокой выборке срез разнообразного зарубежного опыта административно-правового обеспечения и реализации государственного управления в сфере превенции и пресечения применения спортивно-допинговых средств (по многим десяткам государств мира).

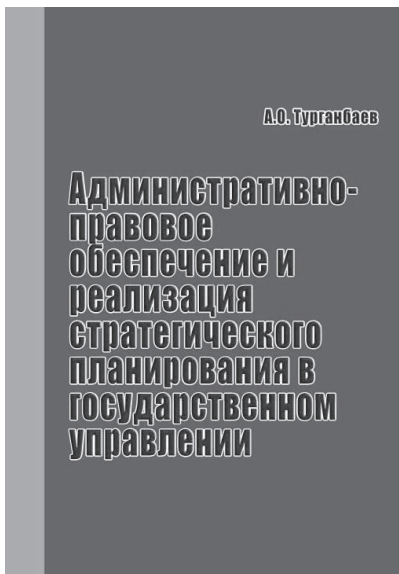
И это, в принципе, первое в стране столь глубокое осмысление и фундаментальное описание с научно-правоведческой точки зрения круга проблем, связанного с употреблением допинга в спорте и нарушением антидопинговых правил.

Эту книгу, несомненно, надо читать.

* * * * *

Блинкова Е.В. Стратегическое видение в государственном управлении⁸⁷

Рецензия на книгу А.О. Турганбаева «Административно-правовое обеспечение и реализация стратегического планирования в государственном управлении» (Москва, Буки-Веди, 2019)⁸⁸

Сегодня судить о качестве того или иного научного издания можно, не в последнюю очередь, по таким критериям, как мера его научной востребованности и мера его актуальности.

За последние несколько лет развитие теории государственного управления в России проходило, что называется, семимильными шагами. И ныне выпущено множество научных и учебных изданий в этой сфере, самого разнообразного качества и разного же наполнения. Но почти у всех таких изданий есть нечто общее, что их роднит, – это один и тот же недостаток, который состоит в том, что в них совершенно не освещён важнейший вопрос теории государственного управления.

⁸⁷ **Блинкова Елена Викторовна**, доктор юридических наук, профессор кафедры гражданского права и процесса Академии ФСИН России, профессор.

Материал представляет рецензию на книгу А.О. Турганбаева «Административно-правовое обеспечение и реализация стратегического планирования в государственном управлении» (М.: Буки Веди, 2019).

Ключевые слова: административное право, теория публичного управления, государственное управление, стратегическое планирование в государственном управлении, государственная политика, программирование.

Blinkova E.V. Strategic Vision in Public Administration. Review of book of A.O. Turganbaev «Administrative-legal support and realization of strategic planning in public administration» (Moscow: Buki Vedi, 2019).

The material is a scientific review of the book of A.O. Turganbaev «Administrative-legal support and realization of strategic planning in public administration» (M.: Buki Vedi, 2019).

Keywords: administrative law, theory of public administration, public administration, strategic planning in public administration, public policy, programming.

⁸⁸ *Турганбаев А.О. Административно-правовое обеспечение и реализация стратегического планирования в государственном управлении / Под ред. В.К. Ботнева. – М.: Буки Веди, 2019. – 204 с.*

Речь идёт о вопросе стратегического планирования в государственном управлении. Но так было до издания разбираемой в настоящей рецензии книги.

Опубликованное в 2019 году научное издание авторства А.О. Турганбаева по теме «Административно-правовое обеспечение и реализация стратегического планирования в государственном управлении» по мере своего научного качества, по спектру разбираемых и затрагиваемых в этой работе проблемных вопросов, обладающих более чем высокой актуальностью на день сегодняшний (и в особенности – день завтрашний), оказалось таковым, что просто никак невозможно было пройти мимо него, обойти это издание вниманием. Уже потому, что более в отечественной науке нет ничего подобного по этой теме (да ещё и такого хорошего научного качества), аналогов просто нет.

Книга А.О. Турганбаева, посвящённая осмыслению и описанию с позиций административно-правовой науки понятия, правовых и логических оснований, правовой природы, правового обеспечения, инструментов и целеназначения, правовой онтологии стратегического планирования в системе государственного управления, являет собой первоклассное научное административно-правовое исследование. Эта замечательная вводная книга по стратегическому планированию в государственном управлении, несомненно, является самой актуальной в данной тематической сфере, и далеко не только с точки зрения качества содержания, но и с точки зрения качества представления информации. Книга, безусловно, охватывает все необходимые темы и с достаточной высокой детализацией, но изложение материала исключительно интересно.

Важнейшими основаниями и критериями оценки исследовательских работ также выступают меры научной основательности и уникальности такой работы, величина научного вклада, производимого научным исследованием в науку, но главное – соответствие ожиданиям по обращению к наиболее сложным, ранее не разъяснённым ещё вопросам, тематическим областям.

В основу этой работы заложен масштабный массив выборки материалов зарубежного опыта по нескольким десяткам государств мира (и лишь в небольшой части – опыта отечественного). И одно это только уже предопределяет научную ценность данного издания и потенциал вызова им самого высокого профессионального интереса.

Названное издание обеспечивает всестороннее введение в государственное управление с практической направленностью (в части стратегического планирования), тщательнейшим образом вскрывает и освещает самые современные проблемы государственного управления (и стратегического планирования в нём), которые вызывают интерес и диалог, со всеобъемлющим и увлекательным введением в различные фундаментальные и современные аспекты данной тематической области, позволяет получить представление о проблемах

государственного управления и понять практическое применение различных теорий, обсуждаемых в тексте.

Книга А.О. Турганбаева, совершенно определённно, будет интересна и весьма полезна не только тем, кто только начал по учебникам изучать теорию государственного управления, но и тем, кто сам пишет такие учебники, а равно для тех, кто, собственно, и занимается таким стратегическим планированием по занимаемой должности и роду деятельности.

Даже если Вы профессионально занимаетесь стратегическим планированием в системе государственного управления и сами уже знаете массу тонкостей этого непростого дела, эта книга А.О. Турганбаева – всё равно для Вас. После её прочтения Вы поймёте, что Ваших знаний по данной области было недостаточно, что Вам было что почерпнуть нового, тем более – если Вы решили осваивать новые содержательные просторы и смысловые глубины в рамках этой темы. Масса полезной, но ранее разрозненной и тяжело собираемой информации по этой предметно-объектной области теперь в одном месте.

В обозреваемой книге А.О. Турганбаева, обладающей классическими хрестоматийными качествами, приведены извлечения из огромного массива нормативных правовых актов и официальных документов по тематике стратегического планирования в государственном управлении (в извлечениях, переводах и с комментариями самого этого автора) – законов 6 государств (Австралии, Индии, Ирландии, Канады, США и Франции) и подзаконных актов и официальных документов 48 государств (всего 235 единиц), а также многочисленных документов российской и зарубежной судебной практики по вопросам стратегического планирования в государственном управлении.

Такой подход к исследованию, конечно, имеет мало аналогов в современной науке. Мы не покривим душою, если позволим себе утверждать, что в рамках административно-правовой науки такая эмпирическая основа для научного исследования заявленной темы уникальна – имея в виду любую сферу и любой уровень работ. Лишь изредка в лучших образцах докторских диссертаций можно обнаружить такую тягу к науке, такую исследовательскую скрупулёзность, научно-интерпретационную основательность.

При этом автор совершенно не ограничивается только лишь собирательно-аналитической и переводческой работой (какой бы ценной она ни была, для полноценного научного исследования этого было бы недостаточно), но также предлагает собственную весьма оригинальную (но разумно-рациональную и толковую) и досконально аргументированную концептуальную платформу для понимания и интерпретации исследуемой предметно-объектной области.

Текст книги А.О. Турганбаева (при всей его сложности и строгости в исследовании и аргументации) понятен, доступен для понимания, а связи между ключевыми понятиями выстраиваемой теории служат для того, чтобы абстрактные концепции стали реальными. А.О. Турганбаев, по сути дела, с нуля теоретизирует эту предметно-объектную область. И в этой новой теории чрезвычайно важны тщательно выстраиваемые А.О. Турганбаевым позитивная догматизация и аксиологизация стратегического планирования в государственном управлении, презюмирование долженствования привязки такого планирования к социальным и, шире, публичным интересам как ключевому (центральному) объекту доминирующего и важнейшего целеполагания в стратегическом планировании в государственном управлении.

Книга А.О. Турганбаева предлагает более чем толковую и достаточную структуру изложения, если следовать логике каждой главы. И это издание устанавливает новый стандарт не только для научного издания, но и для учебников в этой сфере, представляя замечательный ресурс для бакалавров, магистрантов и аспирантов по направлениям государственного управления и административного права, предоставляя полезные материи и инструменты обучения. Одновременно это – и новейшее руководство по уникальным инновационным практическим подходам и технологиям в стратегическом планировании, причём настолько интересное, что будет воспринято как ценное и нужное и специалистами в негосударственном (корпоративном коммерческом) стратегическом планировании.

Данная книга предназначена и реально много даёт для преодоления разрыва между академическим и прикладным государственным управлением, в том числе посредством фиксации того, что резонирует с практиками, того, что полезно из предлагаемых ныне теорий, того, какие результаты исследований применимы для повышения производительности стратегического планирования в государственном управлении.

Однако же мы никак не можем обойти своим вниманием и изъяны исследуемого научного издания. К мелочам мы придираемся не станем, но обратим внимание на следующие вещи.

Ну, перво-наперво, мы отметим отсутствие в книге А.О. Турганбаева оценки и анализа нередко упоминаемого в литературе как закрытого режимом «для служебного пользования» Указа Президента Российской Федерации от 12.05.2009 № 536 «Об основах стратегического планирования в Российской Федерации». Был он всё-таки или нет, как его оценивать?

Ну, а во-вторых, раскрывая данную тему (пусть, и на основе зарубежного опыта), никак нельзя было избежать авторских оценок качества текущего стратегического планирования в государственном управлении в Российской Федерации, а этого в книге А.О. Турганбаева нет, и это нам кажется неверным.

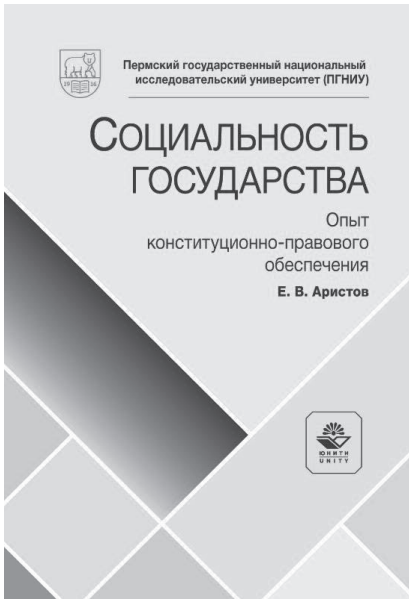
Впрочем, каков вес этих наших и каких-то, возможно, иных замечаний? Нам представляется, что даже сотни замечаний не понизили бы объективно очень высокую оценку этого уникального научного издания.

Ценный научный вклад Айдына Оспановича Турганбаева в отечественные административно-правовую науку и в науку (теорию) государственного управления состоит в том, что он реально создал и представил самую настоящую (авторскую) теорию стратегического планирования в системе государственного управления, весьма плодотворно отработав её основания, несущие концептуальные конструкции, понятийно-терминологический аппарат и арсенал применимых инструментариев.

И вполне закономерный итоговый вывод ко всему вышесказанному: перед нами весьма достойное научное правоведческое издание, обладающее высокими научными новизной и ценностью, заслуженно притязующее (в лице его автора) на самые высокие оценки и похвалу.

* * * * *

Богатырев А.Г. Социальное государство: необходимость или реальность⁸⁹
Рецензия на книгу Е.В. Аристова «Социальность государства. Опыт конституционно-правового обеспечения» (М., 2019)⁹⁰

Вышедшая в 2019 году научная монография доктора юридических наук, доцента Аристова Евгения Вячеславовича, признанного ведущего учёного-конституционалиста в сфере социальности государства, посвящена исследованию темы социальности государства с точки зрения науки конституционного права.

Автором исследован зарубежный опыт конституционно-правового обеспечения и реализации социальности государства как важнейшей конституционной характеристики современного государства, а также судебная практика ряда зарубежных государств и Российской Федерации, что позволило сформулировать и предложить собственную

концепцию Социального кодекса Российской Федерации.

Это издание продолжает серию ранее изданных монографий названного автора по тематике социального государства и его конституционно-правовых оснований и императивов⁹¹.

⁸⁹ **Богатырев Александр Григорьевич** – доктор юридических наук, профессор. Материал представляет собой научную рецензию на научное издание: *Аристов Е.В. Социальность государства. Опыт конституционно-правового обеспечения*. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2019. – 383 с. Ключевые слова: конституционное право, теория права и государства, социальность государства, социальное государство, бедность. *Bogatyrev A.G. Welfare State: necessity or reality.*

The material is a review of the publication: *Aristov E.V. Welfare State: Constitutional-Legal Experience*. – M. UNITY-DANA, 2019. – 383 p.

Keywords: constitutional law, theory of law and the state, welfare state, poverty.

⁹⁰ *Аристов Е.В. Социальность государства. Опыт конституционно-правового обеспечения / Пермский гос. нац. исслед. универс.* – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2019. – 383 с. ISBN 978-5-238-03291-7.

После традиционного Введения следует Первая глава «Социальное государство (государство благосостояния) с точки зрения правовой науки», посвящённая исследованию и раскрытию теоретических подходов к исследованию и определению социального государства (государства благосостояния), а также понятийно-терминологических рядов и соотношений (§ 1.1), природы и источников социальности государства (§ 1.2), предикативному осмыслению будущего социального государства, а равно трендов, условий и угроз в этой части (§ 1.3). Исследована роль политических партий в формировании социального государства (§ 1.4).

Вторая глава «Опыт конституционно-правового обеспечения и реализации социальности государства» посвящена исследованию и осмыслению разнообразия и многообразия моделей социального государства (государства благосостояния) (§ 2.1). Представлены некоторые примеры особенностей социального государства в зарубежных государствах (§ 2.2).

Третья глава «Интерпретации содержания принципа социальности государства в правовых позициях международных и зарубежных национальных судебных инстанций» посвящена исследованию и осмыслению интерпретаций содержания и онтологии социальности государства в правовых позициях международных судебных органов (§ 3.1), интерпретаций содержания и онтологии социальности государства в правовых позициях национальных судебных инстанций зарубежных государств (§ 3.2).

Глава четвёртая «Апробация авторской концепции социального государства на примере проблемы бедности» посвящена актуальнейшему вопросу последних тысяч лет жизни человечества – вопросу о бедности (и нищете как совсем уж крайней, запредельной её форме). Исследованы международные документы о защите прав человека на защиту от бедности (§ 4.1). Исследованы и объяснены понятие, признаки, онтология, последствия феномена «бедность» (§ 4.2).

⁹¹ *Аристов Е.В.* Конституционно-правовой принцип социальности государства: зарубежный опыт правового обеспечения. – М., 2013. – 220 с. *Аристов Е.В.* Бедность: понятие и явление. Юридический аспект. – М.: Юнити-Дана: Закон и право, 2015. – 79 с. *Аристов Е.В.* Интерпретации содержания принципа социальности государства в правовых позициях судебных инстанций. – М.: Юнити-Дана: Закон и право, 2015. – 199 с. *Аристов Е.В.* Социальное государство в США. – М.: Юнити-Дана: Закон и право, 2015. – 103 с. *Аристов Е.В.* Правовая парадигма социальности государства / Пермский гос. нац. исслед. универс. – М.: Юнити-Дана: Закон и право, 2016. – 370 с. *Аристов Е.В.* Роль политических партий в формировании социального государства. – М.: Юнити-Дана: Закон и право, 2016. – 192 с. *Аристов Е.В.* Гарантии принципа социальности государства в конституциях и уставах субъектов Российской Федерации, зарубежных государств: Учеб. пособие. – М.: Юнити-Дана: Закон и право, 2016. – 147 с. *Аристов Е.В.* Социальное государство. Библиография: Учеб. пособие. – М.: Юнити-Дана: Закон и право, 2016. – 79 с. *Аристов Е.В.* Социальность государства в зеркале посланий и пресс-конференций Президента Российской Федерации: Учеб. пособие. – М.: Юнити-Дана: Закон и право, 2017. – 72 с.

Завершается издание, как принято, Заключением и списком использованных научной литературы, нормативных и иных источников.

Помимо того, представлена авторская концепция проекта Социального кодекса Российской Федерации, что делает это издание весьма ценным уже и с прикладной точки зрения.

Книга Е.В. Аристова – это научно очень глубокое и очень нравственное исследование, дающее глубокое осмысление и фундаментальное описание с научной конституционно-правовой точки зрения насущных проблем дня сегодняшнего (в масштабах всего мира), но более всего – дня завтрашнего. А ведь это будущее касается всех нас, во всяком случае – наших потомков.

Книга выстроена на совершенно замечательной исходной научно-методологической платформе, основана на колоссальной источниковой основе, качество осмысления и репрезентации материала и фундаментальных теоретических оснований социальности государства таковы, что более нигде ничего подобного прочесть просто негде.

Основания для замечаний по этой книге Е.В. Аристова при её прочтении, конечно, возникают, но таковые снимаются прочтением других его книг по этой теме. А спорить по мелочам в отношении столь грандиозного научного труда – думается, нет смысла...

Эту книгу, несомненно, надо читать.

* * * * *

Сведения об авторах

Аристов Евгений Вячеславович – доктор юридических наук, профессор кафедры предпринимательского права, гражданского и арбитражного процесса Пермского государственного национального исследовательского университета, доцент.

E-mail: ZnaKomyi72@mail.ru

Блинкова Елена Викторовна, доктор юридических наук, профессор кафедры гражданского права и процесса Академии ФСИН России, профессор, полковник внутренней службы.

E-mail: elenablinkova@inbox.ru

Богатырев Александр Григорьевич – доктор юридических наук, профессор.

E-mail: bogatyrov1936@yahoo.com

Габния Виталий Викторович – экс-Вице-Президент Республики Абхазия, председатель Республиканской Политической Партии «Апсны» (Абхазия), юрист.

E-mail: i@lenta.ru

Кузнецов Михаил Николаевич – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского права и процесса и международного частного права Юридического института Российского университета дружбы народов, почётный работник высшего профессионального образования РФ.

E-mail: kouznetsov-40@mail.ru

Понкин Игорь Владиславович – доктор юридических наук, профессор Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА), профессор, член Экспертного совета при Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации.

E-mail: i@lenta.ru

Понкина Александра Александровна – кандидат юридических наук, заместитель председателя правления Института государственно-конфессиональных отношений и права.

E-mail: droit.du.patient@gmail.com

Прудовская Оксана Вячеславовна – заместитель генерального директора АНО «ЦСРФКиС».

E-mail: oksa161075@yandex.ru

Соловьёв Андрей Александрович – доктор юридических наук, профессор Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА).

E-mail: sportlaw2014@rambler.ru

Цыбизова Наталья Алексеевна – кандидат юридических наук, старший преподаватель Сибирского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

E-mail: nord3@ngs.ru

**Нравственные
императивы
в праве**

**2019
№ 3**

ISSN 2309-1614

Научный юридический журнал (г. Москва)

«Impératifs moraux du Droit»

«Moral imperatives of Law»

«Imperativi morali del Diritto»

«Imperativos morales de Derecho»

«Imperativos morais do Direito»

Подписано в печать 01.11.2019.

Формат 60x90/16.

Гарнитура Arial. Бумага офсетная.

В оформлении журнала использованы шрифты Arial и Mistral.

Усл. печ. л. 4,25.

Тираж **100** экз. Заказ № 4210.

Отпечатано в типографии ООО «Буки Веди»

117246, г. Москва, проезд Научный, д. 19, этаж 2, ком. 6Д, оф. 202

+7 (495) 926-63-96, www.bukivedi.com, info@bukivedi.com

